

ПРАВИТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

на тему:

**Основные тенденции образования неологизмов в современном
литовском языке**

основная образовательная программа бакалавриата по направлению подготовки
45.03.02 «Лингвистика»

Исполнитель:

Обучающийся 4 курса
Образовательной программы
«Иностранные языки»
Профиль «Литовский язык»

очной формы обучения
Алфимова Дарья Алексеевна

Научный руководитель:
к.ф.н., доц. Казанскене В. П.

Рецензент:
к.ф.н., с.н.с. Кожевников А. Ю.

Санкт-Петербург
2018

Содержание

Введение.....	2
Глава 1. Теоретические предпосылки.....	6
1.1. Словообразование и неология.....	6
1.2. Словообразование. Основные понятия.....	8
1.3. Основные принципы исследования.....	12
Глава 2. Флективное словообразование.....	14
2.1. Общие сведения.....	14
2.2. Неологизмы с формантом -a (-ia): 41 слово.....	19
2.3. Неологизмы с формантом -è: 24 слова.....	24
Отыменные существительные.....	26
Отглагольные существительные.....	27
2.4. Неологизмы с формантом -as: 11 слов.....	29
2.5. Неологизмы с формантом -is (-ys): 44 слова.....	30
Отыменные существительные.....	30
Отглагольные существительные.....	31
Выводы к главе 2.....	34
Глава 3. Суффиксация. Дериваты с уменьшительно-ласкательными суффиксами.....	37
3.1. Общие сведения.....	37
3.2. Неологизмы с формантом -(i)ukas, -è: 119 слов.....	39
Отглагольные существительные.....	41
Отыменные существительные.....	43
Отадъективные существительные.....	44
3.3. Неологизмы с формантом -elis, -è/-èlis, -è: 30 слов.....	48
Отглагольные существительные.....	48
Отыменные существительные.....	50
3.4. Неологизмы с формантом -(i)utis, -è: 16 слов.....	51
Выводы к главе 3.....	53
Глава 4. Словосложение.....	55
4.1. Общие сведения.....	55
4.2. Контаминация как особый вид сложения.....	63
4.3. Наиболее распространенные элементы новых композитов.....	69
Выводы к главе 4.....	74
Заключение.....	76
Список источников и литературы.....	81
Источники и словари.....	81
Литература.....	81
Условные сокращения.....	84

Введение

За последние несколько десятилетий практически во всех сферах жизнедеятельности человека произошли разительные перемены. Определяющими факторами стали научно-технический прогресс и процессы глобализации, появление новых средств коммуникации, обмена информацией. Все это отразилось на социально-политических, экономических, научных, культурных и бытовых процессах. Менялся не только уклад, но и темп жизни, а быстро меняющаяся действительность постоянно требовала новых слов. Около тридцати лет назад Литва стала независимой от СССР. Так, значительные изменения в литовском языковом пространстве были предопределены множеством внеязыковых факторов, в том числе угасанием влияния русского языка (прежде практически второго государственного).

Как известно, самым чувствительным слоем языка является лексика, быстрее всего отражающая новшества жизни. Данная работа сконцентрирована на наиболее восприимчивой (и вместе с тем наименее устойчивой) части лексики — неологизмах. Так, актуальность работы заключается в попытке проследить, какие слова создаются для нужд времени и как именно они создаются.

Стоит отметить и научную новизну работы. Хотя существует ряд научных статей, описывающих некоторые отдельные грамматические и лексические явления на материале литовских неологизмов, это первое в своем роде исследование, направленное на более полный анализ новых слов. Комплексность подхода заключалась в сплошном пересмотре материала, выборе разных словообразовательных моделей, а также привлечении теоретических работ по истории словообразования, материалов грамматик и нескольких словарей. Аналогичные работы на русском языке нам не известны.

Источником материала работы послужила электронная база неологизмов «Lietuvių kalbos naujazių duomenynas» (далее LKND)¹, созданная Институтом литовского языка (Вильнюс, Литва). Значение этого ресурса колоссально: в базе не просто фиксируются языковые факты — неологизмы комментируют специалисты, начиная статью о новом слове грамматической информацией, толкованием, замечаниями о желательности или нежелательности употребления. Они также приписывают неологизмам соответствующие стилистические пометы² и ударение. Без такого четко структурированного и доступного ресурса данное исследование было бы невозможно.

Проект был запущен в 2011 году под руководством Риты Милюнайте, и с тех пор база постоянно пополнялась (статистика за последние 7 лет представлена на рис. 1):

	Дата	Кол-во слов в базе	Кол-во новых слов
1.	2011-11-13	начат сбор материала	
2.	2012-12-15	1500	1500
3.	2013-12-27	1800	300
4.	2014-12-07	2500	700
5.	2015-12-28	3050	550
6.	2016-12-23	3750	700
7.	2017-12-30	4400	650
8.	2018-05-01	4600	200

рис. 1 (Источник: http://naujaziiai.lki.lt/?Apie_duomenyna)

Таким образом, на данный момент в базе насчитывается не менее 4600 неологизмов. Как видно из рис. 1, с 2015 года рост количества новых слов сократился более чем в 2 раза. На момент исследования базу составляли 4370 единиц, возникших в разные периоды (большинство новообразований,

¹ Официальный сайт базы данных неологизмов литовского языка: <http://naujaziiai.lki.lt/>.

² В базе LKND каждый неологизм дан и обособленно (в алфавитном списке и в начале словарной статьи) и в контексте.

попавших в область нашего исследования, были созданы не позднее 2000 года, хотя в виде исключения встречались новые слова из источников 90-х годов). Для удобства и наглядности мы создали обратный словарь неологизмов³, что значительно упростило поиск и анализ слов, однотипных по морфемному и словообразовательному составу.

Таким образом, объектом исследования являются новые слова, тенденции в их образовании, а также словообразовательная и лексическая семантика.

Цель работы — изучение основных путей, по которым происходит пополнение лексической составляющей литовского языка.

Для достижения этой цели выполняются следующие задачи: исследовать наиболее продуктивные способы словообразования, основываясь на установленных принципах (гл. 1):

- флективный (гл. 2);
- суффиксальный с самыми частотными суффиксами (гл. 3);
- словосложение (гл. 4).

Основными критериями для анализа новообразований стали:

критерий для анализа	значение критерия (задача)
1. какова словообразовательная модель: а. производящая база б. словообразовательный формант в. словообразовательное значение	→ установить, какие словообразовательные модели являются наиболее продуктивными; каковы лексико-грамматические отношения между производной и производящей основой, возможны ли исключения
2. каковы особенности происхождения: калька или самостоятельно возникшее слово	→ установить наличия/отсутствия стимула извне (находящегося вне системы литовского языка) для возникновения неологизма; взаимодействие исконных и заимствованных частей слова как словообразовательных элементов

³ Автор крайне признателен аспиранту физического факультета СПбГУ С. А. Измайлову, который помог воплотить идею создания обратного словаря.

3. каковы особенности употребления:
а. стилистические: наличие/отсутствие эмоционально-экспрессивного оттенка (ласк., шутл., ирон., уничиж. и т. д.)
б. по степени распространенности: является неологизм индивидуально-авторским образованием, единичным окказионализмом или же, наоборот, широко распространен
в. по сфере употребления (не всегда однозначна)

→ установить, с какой целью и кем употребляются неологизмы, в каких сферах жизнедеятельности человека встречаются

В работе применялись следующие исследовательские методы: аналитический, сопоставительный, сравнительно-исторический, описательный.

Для решения установленных задач исключительно важными оказались работы по словообразованию П. Скарджюса, В. Урбутиса, русских ученых Л. В. Зубовой, Н. З. Валгиной, Г. А. Николаева и др., а также труды Н. З. Котеловой по русской неологии и неографии.

Глава 1. Теоретические предпосылки

1.1. Словообразование и неология

Тема данной работы сопряжена сразу с двумя отраслями лингвистики: словообразованием и неологией. Поэтому мы начнем с определения понятий, использованных в дальнейших главах, а также объясним принципы, на которых построена работа.

Прежде всего нас интересовали продуктивные словообразовательные модели литовского языка и особенности их реализации сегодня. Так, материалом для исследования были избраны неологизмы; причем, мы не ограничивались только употребительными новообразованиями, которые, скорее всего, со временем попадут в словари — объектами нашего внимания стали также единичные окказионализмы, индивидуально-авторские неологизмы, узкоспециальные научные термины, новоявленные жаргонизмы и т. п. Это обусловлено основной целью исследования — проследить, какие тенденции реализуются при производстве новых слов. Кстати, основательница отечественной неографии Н. З. Котелова писала, что авторские и окказиональные новообразования «могут свидетельствовать об определенных тенденциях в области словообразования» [Котелова 1971/2015: 175]. И это, безусловно, так: все неологизмы: названия новых реалий, словечки «на случай», плоды языковой игры, кальки, заимствования, «ожившие слова» и многое другое, что затрагивается в последующих главах, как множество крошечных флюгеров, разворачивают свои флаги навстречу могучему ветру — общенародному языку. А мы можем делать выводы о направлении и силе этого ветра. Поэтому в рамках данной работы рассматриваются все производные неологизмы литовского языка.

Что же нового должно быть в слове, чтобы оно считалось неологизмом? Некоторые понимают неологизм как стилистическую категорию, считая главным ощущение новизны при восприятии слова, другие — как слово, обозначающее новую реалию. Первое утверждение отчасти

верное: в большинстве своем неологизмы часто окрашены стилистически, однако «многие из них сразу усваиваются говорящими и ощущение новизны быстро стирается» [Котелова 1971/2015: 187]⁴. Второе — не совсем, ведь неологизм не всегда соотносим с реальным предметом (ср. новообразованные глагольные абстракты, о которых в гл. 2, см. раздел 2.2 и 2.5), и важно учитывать внутриязыковые процессы, в результате которых рождаются новые слова. Так, главным назначением словообразовательных процессов является образование новых лексических единиц. По мысли представителя казанской лингвистической школы Г. А. Николаева, эти процессы «развертываются на основании устойчивых языковых отношений, складывающихся между группами слов», где одни находятся в деривационной зависимости от других [Николаев 1987/2009: 21]. Поэтому, несомненно, связь неологии и словообразования очень прочна.

В данной работе мы будем придерживаться характеристики неологизмов, предложенной Н. З. Котеловой: во-первых, неологизм всегда конкретизирован во времени, и «следует говорить о словах новых как таких, которых не было в какой-либо сравниваемый период времени (естественно, из предшествующих)» [Котелова 1971/2015: 190]. Во-вторых, нужно выделять «пространственный» определитель неологизма: сюда Котелова относит как идентификацию по сфере и жанру употребления, так и принадлежность слова «или языку (как системе, средству построения речи) или речи в аспекте

⁴ Составитель «Большого словаря русской разговорной экспрессивной речи» В. В. Химик отмечает, что «к началу XXI столетия в русском (и, надо полагать, не только в русском) культурно-языковом пространстве произошло серьезное изменение: переориентация идеалов с высокой элитарной культуры на массовую, общенациональную. В языке это отразилось «тектоническим смещением» функциональных стилей: резко сузилась, почти исчезла сфера высокого, патетического, пафосного, ее место занял нейтральный стиль речи, в свою очередь потесненный экспрессией разговорных и разговорно-сниженных элементов национального русского языка» [СЭР: 6]. Центральную, эталонную позицию в языковой культуре стала занимать устная публичная речь СМИ со всем ее жанровым многообразием, т. е. «многофункциональная, динамичная, преимущественно диалогическая, часто спонтанная, нерегламентированная и почти всегда экспрессивная живая речь» [Там же]. Вследствие этого письменная речь современной публицистики и литературы (которые являются главными источниками неологизмов) также подверглась стилистическому снижению и экспрессивному окрашиванию.

речевой деятельности. <...> Эти разряды иногда обозначаются разными терминами: в языке — новые слова, в речи (или и в языке и в речи) — неологизмы (разрядка наша — Д. А.)» [Там же].

Небезосновательна оценка новообразованных слов как слов потенциальных: «это слова в каком-то смысле известные, „ожиданные“, существующие в системе как потенциальные единицы» [Там же: 194]. Но является ли «ожиданность» обязательным критерием для неологизма? Известный русский лексикограф Д. Н. Шмелев описывает механизм появления неологизмов следующим образом: «Пополнение словаря в каждом языке идет своими путями, однако основные способы номинации имеют достаточно общий характер. Для обозначения того или иного явления может быть или создано новое слово на базе имеющихся средств (префиксов и суффиксов), или заимствовано иноязычное слово, или образовано сложное, составное наименование, или же наконец, приспособлено слово, уже существующее в языке, которое в таком случае определенным образом видоизменяет свою семантику (а часто при этом и стилистическую окраску)» [Шмелев 1977/2009: 285]. Мысль об относительной общности словообразовательных средств для разных языков показалась нам чрезвычайно интересной, но еще более интересно последнее «или»: оно дает право на существование даже не вполне традиционным, неожиданным словам, образование которых основывается на изменении семантики существующих лексических единиц (подробнее о таких неологизмах см. гл. 4, раздел 4.2).

1.2. Словообразование. Основные понятия

Прежде всего отметим, что в теории словообразования мы ориентировались на труды таких отечественных лингвистов, как Е. А. Земская (в том числе на раздел «Словообразование» в [Г-89] под ее авторством), Л. В. Зубова, Н. А. Янко-Триницкая, Н. Д. Арутюнова, Г. А. Николаев, а также на работу по теории литовского словообразования «*Žodžių darybos teorija*» (2009) Винцаса Урбутиса.

Как отмечалось выше, главной функцией словообразования (словопроизводства) является пополнение словарного состава языка. Однако, как отмечает Л. В. Зубова, «для каждого субъекта речи, устной или письменной, актуальна не столько эта глобальная задача, сколько потребность выразить свои мысли и чувства» [Зубова 2014: 105]. Вслед за Е. А. Земской она указывает на пять функций словообразования (собственно номинативную, конструктивную, компрессивную, экспрессивную, стилистическую) и прибавляет к ним предложенную Е. В. Петрухиной адаптирующую функцию, позволяющую словообразовательной системе определенного языка осваивать заимствованные слова (ср. *бренд* — *брендировать*, *брендовый*, *бренд-арт*). В данной работе адаптация заимствований подробно рассматриваться не будет⁵, т. к. прежде всего нас интересовали такие производные неологизмы, которые были созданы из словообразовательных единиц литовского языка — с литовскими словообразовательными основами и формантами.

Главным объектом изучения в словообразовании является производное слово в его отношении к производящим единицам языка. Производные слова (мотивированные слова, дериваты) — это слова, образованные «от других языковых единиц (преимущественно от слов и словосочетаний) с тем же корнем» [Зубова 2014: 110]. Традиционно различают производную (мотивированную) и производящую (мотивирующую) словообразовательные основы. Чаще всего вторая более проста по форме и смыслу, чем первая, притом значение производной основы полностью входит в значение производящей (по критерию Г. О. Винокура [Винокур 1959: 419–442]).

По мысли Н. А. Янко-Триницкой, правомернее было бы использовать термины «выводимая» и «базовая» основа соответственно, т. к. они удовлетворяют описанию обоих структурных типов образований (простые и сложные слова). Ср. определение выводимой основы: «это такая основа,

⁵ Об адаптированных заимствованиях в литовском языке см. гл. 2, раздел 2.1.

которая может быть выведена (выводится) из другой, наличной в языке основы; последняя соответственно может быть названа базовой основой» [Янко-Триницкая 1968: 533]. По мнению Л. В. Зубовой, «более универсальным и точным термином, чем «производящая основа» является термин «производящая база» [Зубова 2014: 111]. В данной работе по отношению к простым дериватам применяются общепринятые термины «производная» и «производящая основа». Структура сложного производного слова всегда включает две и более производящих основы, поэтому, на наш взгляд, для характеристики вместе взятых производящих основ в составе сложного слова более подходящими терминами будут «базовая основа» или «производящая база».

Так, сложное слово всегда производно (подробнее о сложении см. гл. 4, раздел 4.1). В моделях простых производных слов выделяют словообразовательную основу и словообразовательный формант — «наименьшее в формальном и синтаксическом отношениях словообразовательное средство (или средства) из числа тех средств, которыми какое-либо слово отличается от слов, находящихся с ним в отношениях мотивации» [Улуханов 1977/2011]).

Основной ячейкой словообразовательной системы языка является словообразовательный тип (СТ), т. к. «именно в его пределах по аналогии со словами того или иного типа происходит образование новых слов» [Г-89: 292]. СТ — это «схема (формула) строения производных слов, характеризуемых общностью трех элементов: 1) части речи производящей основы, 2) семантического соотношения между производными и производящими; 3) формального соотношения между производными и производящими, а именно: общностью способа словообразования (разрядка наша — Д. А.), а для аффиксальных способов тождественностью аффикса» [Там же]. Сравним с определением В. Урбутиса: «Словообразовательный тип — это схема образования слов какой-то определенной части речи, обладающая тройным сходством (общностью производных): 1) по категориальному

словообразовательному значению; 2) по части речи базового слова (или нескольких частей речи, указанных словообразовательной категорией); 3) по словообразовательному форманту (его морфонологическому виду)» [Urbutis 2009: 303]. Нужно отметить, что как Земская, так и Урбутис при определении СТ ссылаются на работы чешского лингвиста Милоша Докулила, который указывал на то, что СТ подразумевает не только формальную общность, но и семантическую.

Именно на основании семантического соотношения производящих и производных устанавливается словообразовательное значение (СЗ), которое «является общим для производных данного типа и устанавливается на основании семантического соотношения производящих и производных» [Земская 2011: 192]. Например, уменьшительность (*домик, бантик*) или присутствие в виде характерного признака того, что названо мотивирующим словом (*хвостатый, усатый*). СЗ обладает разной степенью конкретности: от «того, кто выполняет действие, названного основой» (*учитель, отец, обогреватель, текстовый редактор*) до «обозначение лица или предмета, связанного каким-либо образом с тем, что названо производящей основой» (*дневник, ночник, вечерник, утренник*). Сложные слова чаще всего опираются на соответствующие словосочетания, поэтому в их случае для установления семантических отношений между основами следует обращаться к исходным (потенциально исходным) словосочетаниям [Urbutis 2009: 205].

Так, все вышеперечисленные словообразовательные явления складываются в единую словообразовательную систему. А словообразовательная модель (способ, по которому построено слово), является конструктивной частью более сложной словообразовательной единицы.

Способы словообразования делятся на морфологические (когда образование новых слов происходит с помощью словообразовательных формантов) и неморфологические (семантические), при которых новые слова образуются «путем включения этого слова в иной лексический разряд»

[Николаев 1987/2009: 38]. В литовской традиции к морфологическим способам относятся аффиксация (флексивация, суффиксация, префиксация) и сложение, к неморфологическим — семантический способ. Как отмечает Г. А. Николаев, в семантическом словопроизводстве аффиксации соответствуют деривационные процессы «слово → слово» внутри-категориального (метафоризация, метонимизация) и межкатегориального (субстантивация, адъективация и др.) характера» [Николаев 1977/2009: 30]. Вопрос о средствах семантического словообразования еще ждет специального решения, поэтому мы не беремся обсуждать его более подробно.

1.3. Основные принципы исследования

В ходе исследования по некоторым критериям (о которых далее) было выделено три типа производных неологизмов современного литовского языка: флексивные, суффиксальные и образованные по способу сложения. И хотя ряды новых слов пополняются также производными прилагательными, глаголами, наречиями и даже служебными словами (напр. сленговый окказиональный союз *irba* ‘и/или’ < *ir* ‘и’ и *arba* ‘или’), мы остановились на именах существительных, т. к. именно эта лексико-грамматическая группа является наиболее пополняемой в процессах номинации⁶.

Внутри флексивного словообразования следует различать адаптацию заимствований и собственно словопроизводство (когда и производная основа и производящая база существуют в рамках одного языка, в нашем случае — литовского). Отметим, что флексивации второго типа подвергаются в основном слова с исконными корнями (чаще глагольными)⁷. Кроме того, этот способ образования не только очень интересен с лингвистической точки зрения, но и малоосвещен в новой литературе о литовских неологизмах⁸.

⁶ Подробнее о первичной и вторичной номинации см. [Зубова 2014: 98–100].

⁷ В виде исключения встретились неологизмы *zombė* ‘зомби женского пола’ (подробнее см. гл. 2, раздел 2.3) и *bukčius* ‘букинист’.

⁸ Например, в статье Д. Мумулайтите о новых глаголах и глагольных абстрактах флексивные глагольные абстракты не рассматриваются совсем [Murmulaitytė 2016a].

В главе о суффиксальном словообразовании рассматриваются существительные с уменьшительно-ласкательными суффиксами. Такое решение было принято в связи с тем, что такие суффиксы считаются очень продуктивными для литовского языка, отличающегося обилием диминутивов и разнообразием их образования. В грамматике современного литовского языка отмечается, что среди суффиксальных дериватов «диминутивы составляют самую большую словообразовательную группу» [DLKG: 87].

Наиболее широкой словообразовательной группой, выделенной нами на основе литовских неологизмов, оказались сложные слова. То же отмечает составительница базы LKND Р. Милюнайте (подробнее в гл. 4). Новообразованные композиты значительно превосходят вышеупомянутые словообразовательные группы количественно: примерно в 6 раз каждую.

Таким образом, в работе рассматриваются образованные за последние несколько десятилетий имена существительные, относящиеся к следующим словообразовательным моделям:

- флективное словообразование (глава 2);
- суффиксальное словообразование (глава 3);
- словосложение (глава 4).

Глава 2. Флективное словообразование

2.1. Общие сведения

Литовский язык относится к флективным синтетическим языкам. Каждое имя существительное, будь то исконное слово или заимствование, имеет определенный тип склонения: нулевое окончание практически невозможно, как и несогласованное определение, не выраженное косвенным падежом. Ср. допустимые в русском языке словосочетания: *бизнес-задача*, в *новом пальто цвета бордо*, в *магазин за авокадо* (лит. *avokadas*). В литовском, если слово не склоняется, оно приобретает неестественное иностранное звучание; это может отражаться графически, напр. с помощью кавычек или апострофа:

- *Nenoriu jokių kabaretų, jokių „vamp“ stiliaus kavinių ir jokių vaidmenų.* ‘Не хочу никаких кабаре, никаких кафе в стиле **вам**п и никаких ролей.’ [Пример из TKST];
- *Mažesnėje rinkoje daug lengviau patikrinti, ar produktas tinkamas, tačiau „startup'ui“⁹ įsivažiuoti tokia rinka per maža.* ‘На маленьком рынке намного проще проверить, пригоден ли продукт, однако для разгона «**стартапа**» такой рынок слишком мал.’ [Пример из LKND];
или написанием с буквой иностранного алфавита (в данном случае W):
- *Bet vis tiek nugalėjo Tolimieji Rytai su savo sojomis, imbierais, wasabiais ir kitais padažais...* ‘И все-таки победил Дальний Восток со своими (досл.) «**соями, имбирями, васабями**» и другими добавками...’ [Пример из LKND].

Существует несколько неизменяемых интернационализмов, нетипичных для системы литовского языка: *ateljė, fojė, žiuri, ledi, esė, reziūmė*

⁹ Заметим, что посредством апострофа падежные окончания чаще приписываются заимствованиям, оканчивающимися на согласный (напр. *twitter'uje* ‘в Твиттере’, *„Brexit'o“ ateitis* ‘будущее Брексита’), а также именам собственным и аббревиатурам (Gen. sg. – *Bloomfield'o, Comrie'o, VIP'o, VPN'o*).

(все несклоняемые ж. р.¹⁰), *asorti, taksi, tabu, kredo* (все несклоняемые м. р.). Причем в DLKŽ *taksi* и *taksis* (м.р.) даны как варианты, а Госкомиссия по литовскому языку (Valstybinė lietuvių kalbos komisija) допускает склонение слова *reziūmė*, по крайней мере графическое отражение вин. падежа (*reziūmę*)¹¹. В целом, литовский язык непоколебим в своей «флективности».

Адаптация заимствований к литовскому языку происходит следующим образом: либо иностранной основе приписывается парадигма склонения в зависимости от имеющегося окончания (как *reziūmė, latė, animė*, которые рекомендуют склонять по жен. склон.), либо окончание и соответствующая парадигма приписываются произвольно (чаще м. р.). Ср. трудно узнаваемые литуанизированные *smutis* вместо англ. *smoothie*, *rapas* от *wrap*, *apsas* от *app*, *šieras* от *share*, *techis* от *techie*, *taka* от исп. *tacco*, *surimis* от япон. *surimi*. Так, окончание нередко оказывается главным элементом в процессе освоения новых слов.

Одним из очень продуктивных способов словообразования является флективный способ (*galūninė daryba*). Это, безусловно, не формообразование, т. к. происходит изменение семантики и, как следствие, производное слово приобретает или утрачивает возможность выступать в какой-либо синтаксической роли. Ср. пару *pietys* ‘южный ветер’ < *pietūs* ‘юг’:

- *Pūtė šiltas pietys*. ‘Дул теплый южный ветер.’ (= *Pūtė šiltas pietų vėjas* ‘ветер юга’.)
- **Pūtė šilti pietūs*. ‘Дул теплый юг.’ (нонсенс)

Такое словообразовательное явление подразумевает либо смену склонения, либо приписывание какой-либо именной парадигмы глагольной основе (что происходит чаще, т. к. большинство флективных образований отглагольные). Нечто похожее на литовское флективное словообразование

¹⁰ Ср. заимствованные из французского несклоняемые неологизмы *defilé, parfė, pralinė, gurmė*, но, к примеру, уже ставшее обыденным *latė* ‘латте (кофе)’, рекомендуется склонять. В LKND зафиксировано множество примеров, в которых пришедший (-ая) из франц. *bagetė* ‘багет’ (ж. р.) склоняется.

¹¹ См. Банк консультаций (эл. ресурс: <http://www.vlkk.lt/konsultacijos/6732-reziume>).

происходит при безаффиксном словообразовании и словообразовательной компрессии в русском языке, ср. *синь* < *синий*, *без*¹² < *бежать*, *наличка* (разг.) < *наличные* (*деньги*), *винда* (разг.) < *Windows*.

Словосложение также в большинстве случаев сопровождается сменой парадигмы склонения конечного из производящих элементов (ср.: *ledkalnis* ‘айсберг’ < *ledo kalnas* ‘ледяная гора’, но *savimeilė* ‘себялюбие’ < **sau meilė* ‘(к) себе любовь’). Примечательно, что П. Скарджюс в своем монументальном труде по литовскому словообразованию относит флективные образования с приставкой к композитам (см. гл. *Vardažodinė sudėinių žodžių daryba*, раздел *Priešdėliniai vardažodžiai* [Skardžius 1943/1996: 442–456]). В. Урбутис отмечает: «Если посмотреть не на производящую основу, а на характер форманта, разница между простыми и сложными производными в самом деле не столь велика: с этой точки зрения значительная часть композитов (в первую очередь вида бахуврихи) на удивление близка флективным производным» [Urbutis 2009: 334]. В современной балтистике различают сложение и префиксацию, а флективное словообразование выделяют как самостоятельный процесс (см. [DLKG: 86–145], [Keinys 1999: 55–75], [Paulauskienė 1983: 126–140]).

Грамматика литовского языка [DLKG] выделяет 11 типов образований, которые не всегда можно отнести к единому словообразовательному типу в силу отличающихся словообразующих основ (см. критерии М. Докулила, на которые ссылаются В. Урбутис [Urbutis 2009: 303], Е. А. Земская [Земская 1996/2011: 190], а также [Г-89: 292]). В [DLKG: 86–145] эти типы объединены по значению:

¹² Ср. соотв. лит. *bėg-is* (< *bėg-ti*) и *бѣзь* в дореформенной орфографии. На фоне этой аналогии интересно следующее замечание Н. С. Валгиной: «...чрезмерно расширяется круг бессуффиксных образований среди отглагольных форм: *отлов*, *выгул*, *выпас*, *прикид*, *напряг*, *закуп*, *подклад*, *обжиг*, *подогрев*. Ср. *обжигание* — *обжиг*, *промывание* — *промыв*, *подогревание* — *подогрев*. По аналогии появились и формы от прилагательных: *наив*, *серьез* (ср.: *на полном серьезе*); *интим*, *беспросвет*, *нал*, *безнал*, *афган*, *неформал*, *инфантил*; то же среди терминов: *термояд*, *негабарит*, *конструктив*, *криминал* и др.» [Валгина 2003: 132].

1. наименование действия (глагольные абстракты) — *-a(-ia)*¹³, *-is(-ys)*, *-as*, *-è*, *-ius*;
2. наименование свойства — *-is*, *-a(-ia)*, *-as*, *-è*, *-is* (*-ies* в Gen.);
3. наименование деятеля или носителя качества по определенному действию — *-a(-ia)*, *-is(-è)/-ys(-è)*, *-as*, *-ius(-è)*;
4. наименование носителя качества по определенной корнем характеристике или атрибуту — *-is(-è)/-ys(-è)*, *-ius(-è)*, *-è*, *-a(-ia)*;
5. наименование результата действия — *-a*, *-as*, *-is(-ys)*, *-è*, *-ius*;
6. наименование инструмента — *-as*, *-a*, *-is(-ys)*, *-è*;
7. наименование места — *-a(-ia)*, *-is*, *-è*, *-as*;
8. наименование лица по профессии — *-ius*;
9. наименование лиц по месту происхождения или пребывания — *-is(-è)*, *-ius*;
10. наименование по половому отличию — *-è*;
11. наименование праздника или обряда — *-os(-a)*, *-ai*, *-ès*.

Грамматика также дает сведения о продуктивности или непродуктивности флексии. Например, отмечается, что для образования отглагольных абстрактов наиболее часты следующие модели:

<i>Таблица 1</i>		
флексивные образования с формантом <i>-a</i>		
<ul style="list-style-type: none"> • большинство слов образовано от приставочных глаголов • глагольный суффикс непервичного глагола опускается • гласный в корне может чередоваться 		
1. основа приставочного глагола (большинство)	формант	производное
<i>ra`-juokè</i> ¹⁴ (инф. <i>rajuõkti</i> ‘осмеять, посмеяться, подшутить’)	+ <i>-a</i>	= <i>rajuoka`</i> ‘насмешка’

¹³ Словообразующие флексии расположены в порядке убывания по признаку продуктивности.

¹⁴ Глагольная основа наиболее хорошо видна в форме прошедшего времени (далее прош. вр.). Напр., в *ra`-juok-ti* – *ra`-juok-è* основы инф. и прош. вр. совпадают, а в *ni`-jaus-ti* – *ni`-jaut-è* отличаются. Так, отглагольные имена образуются от глагольных основ прош. вр. Суффиксы непервичных глаголов опускаются, отсюда две наиболее типичные структуры производных существительных, образованных флексивным способом: 1) бессуффиксная глагольная основа (= корень глагола прош. вр.) + флексия; 2) приставка + бессуффиксная глагольная основа (= корень глагола прош. вр.) + флексия.

<i>nù-jautė</i> (инф. <i>nuijauti</i> ‘чувать, предчувствовать’)	+ -a	= <i>núojauta</i> ¹⁵ ‘предчувствие’
<i>at-gaiv-ino</i> (инф. <i>atgaivinti</i> ‘оживить, освежить’)	+ -a	= <i>atgaivà</i> ‘оживление, освежение’
2. основа неpräставочного глагола	формант	производное
<i>saĩdė</i> (инф. <i>samdyti</i> ‘нанимать’)	+ -a	= <i>samdà</i> ‘наем’
<i>kent-ėjo</i> (<i>kentėti</i> ‘терпеть, страдать’)	+ -a	= <i>kančia</i> ‘страдание, мука’
<i>mankšt-inosi</i> (инф. <i>mankštintis</i> ‘упражняться, тренироваться’)	+ -a	= <i>mankšta</i> ‘упражнение, тренировка, гимнастика’
флексивные образования с формантом -is(-ys)		
• большинство слов образовано от приставочных первичных глаголов		
• чаще склонны обозначать однократное непродолжительное действие ¹⁶		
основа первичного приставочного глагола	формант	производное
<i>už-puolė</i> (<i>užpuolti</i> ‘напасть, наброситься’)	+ -is	= <i>užpuolis</i> ‘нападение’
<i>iš-kvėpė</i> (инф. <i>iškvėpti</i> ‘выдохнуть’)	+ -is	= <i>iškvėpis</i> ‘выдох’

Флексивное словообразование нередко сопровождается метатонией и чередованием гласного в корне. У имен существительных, образованных флексивным путем, корневой гласный обычно удлиняется, напр. *mušė* < *mūša* ‘битье’, *dužo* < *dūžis* ‘удар’, *su-judo* < *sqjūdis* ‘(общественное) движение’, *skilo* < *skylė* ‘дыра, отверстие’, *nīro* < *nyris* ‘вывих’, *su-tiko* < *santykis* ‘отношение’ и т. д.¹⁷ В рамках данного исследования не рассматриваются вопросы аблаута и акцентуации, хотя автор признает их несомненную значимость для литовского словообразования.

Названия деятеля или носителя качества по определенному действию чаще всего образованы с флексией -a как от приставочных глагольных основ (*patranka* ‘повеса, шалопай, шатун’

¹⁵ Чередование гласного в приставке (*nu-/nuo-*, *su-/san-*, *pa-/po-*) — для литовского словообразования типичное закономерное явление — более подробно обсуждаться не будет.

¹⁶ См. [DLKG: 100].

¹⁷ Подробнее о чередованиях см. [Zinkevičius: 92–95].

< *pa-trankė* (инф. *patrankyti* ‘трясти’)), так и от бесприставочных (*niurzga* ‘брюзга’ < *niurgzė* (инф. *niurgzti* ‘брюзжать, ворчать’)). Окончание *-is(-ė)/-ys(-ė)* также может быть формантом для образования слов данной группы, но обычно от первичной глагольной основы.

Наибольший интерес представляла оценка авторов грамматики степени продуктивности той или иной флексии в рамках определенного словообразовательного значения. Эти сведения отражает логика расположения формантов в перечне типов образований (см. выше). Также имеют место комментарии о соотношении формантов между собой. К примеру, отмечается, что среди наименований инструмента, образованных по флективной модели, слова на *-as* составляют половину всех образований. А для наименований действия наиболее производным будет флексия *-a*, тогда как дериваты на *-ia* (где *-i-* показатель мягкости производящей основы) малочисленны, так же как образования с *-as* и *-ė*.

Далее речь пойдет о неологизмах, образованных флективным путем. На наш взгляд, именно через сравнение новообразованных и «ранее-образованных» единиц лексики можно установить словообразовательные тенденции языка.

2.2. Неологизмы с формантом *-a (-ia)*: 41 слово

Среди новообразований группу производных слов на *-a* составляют только отглагольные существительные. Исключениями являются два-три слова, о которых будет сказано ниже. Некоторые слова были даны с пометой «ожившее слово» (*atgijęs žodis*). Это некогда попавшие в словарь, но не используемые широко единицы, а именно: устаревшие варианты, редкие диалектные слова и т. п. Большинство слов составляют синонимичные пары абстрактам на *-imas (-umas)*, что говорит о преобладании типов «наименование действия», «наименование результата действия». Для этих словообразовательных значений формант *-a* является очень продуктивным,

тогда как другие возможные значения остаются нереализованными, не считая редких и единичных авторских неологизмов.

Отметим наиболее показательные случаи. Например, неологизм на *-a*, образованный от основы глагола, который с а м является новообразованием:

išveika ‘излияние скопившихся эмоций, (1)
которые были скрыты, подавлены’
< неол. *išveikė* (инф. *išveikti* ‘изливать
эмоции’)

Это слово пришло из сферы психологии и, по данным информанта, использовалось и ранее как профессионализм (в LKŽ слово отсутствует). Традиционная форма образования глагольной абстракции на *-imas* (**išveikimas*) не зафиксирована.

Можно было бы определить вытеснение некоторых слов на *-imas* (*-umas*) как экономию речевых средств. Но вряд ли такая интерпретация удовлетворит следующему примеру, ведь образующая основа состоит лишь из 3 языковых знаков (*-jėj-*, где *j-* — префикс):

jėja ‘вхождение, проход (здесь: (2)
поступление воздуха)’ < *jėjo* (инф.
jėiti ‘войти/входить’)

Užblokavus prietaiso ortakį ir (arba) oro jėją veikimo metu, prietaisas gali perkaisti.
‘Если заблокировать воздуховод прибора и (или) **поступление** воздуха во время действия, прибор может перегреться.’

Как отмечалось ранее, для данной группы характерна синонимия — и не только в отношениях со словами, существующими в рамках языковой нормы, но и между собой. Ср.:

draikà ‘беспорядочное расширение (3)
территории’ < *driko* (инф. *drikti*
‘рассеяться, рассыпаться’) с
качественным чередованием
гласного в корне

Miesto draika, išbyrėjimas į pakraščius nėra sveikintinas reiškiny. ‘**Рассеивание** города, высыпание на окраины — отнюдь не то явление, которое нужно приветствовать.’

*drieka*¹⁸ ‘разрастание территории’ < *driekėsi* (4)
(ударение не установлено) (инф. *driektis* ‘растягиваться,

¹⁸ *Draika* (3) и *drieka* (4) — родственные слова, отличаются лишь огласовкой корня. В первом, образованном от глагола *drikti* (где *-i-* показатель нулевой ступени аблаута),

стлаться¹⁹), ср. англ. термин *urban sprawl*, иногда переводимое как «расползание» городов; или //¹⁹ *drieka* ‘то, что подстиляется; волокно; обрывок’

Stabtelėkime ir išsamiau patyrinėkime miestų driekos (o tai viena iš konkretesnių sąvokų, nusakančių urbanistinę plėtrą) priežastis. ‘Давайте приостановимся и тщательно исследуем причины **разрастания** городов (а это одно из более конкретных понятий, определяющих урбанистическое развитие).’

В следующих примерах (5)–(7) представлены концептуально синонимичные новообразования (за каждым стоит идея открытия неизвестного, раскрытия предмета с необычной стороны), хотя не до конца ясно, возможна ли их взаимозаменяемость:

<i>atósklaidà / atsklaidà</i>	‘раскрытие’ < <i>atskleidė</i> (инф. <i>atskleisti</i> (5) ‘раскрыть, обнаружить, выявить’)
<i>atódanga</i>	‘открытие, раскрытие, откровение ²⁰ ’ (6) < <i>atidengė</i> (инф. <i>atidengti</i> ‘открыть, раскрыть, обнаружить’); или // <i>atodanga</i> ‘обнажение (геол.)’
<i>atóvėra</i>	‘открытие, откровение’ < <i>at(si)vėrė</i> ²¹ (7) (инф. <i>at(si)verti</i> ‘открыть(ся), раскрыть(ся), обнаружить (себя)’), единич. неол.

Говоря здесь о синонимии, мы подразумеваем отношения близких по содержанию понятий, которые могут употребляться в отличных контекстах, т. е. взаимодействовать с разными зависимыми / подчиняющими словами. О синонимии можно говорить и при сопоставлении неологизмов данной группы

имеет место полная ступень с *a*-огласовкой. В *drieka* также полная ступень, но с *ie*-огласовкой.

¹⁹ Символ «//» будет использоваться нами для обозначения лексико-семантического образования. В данном случае не исключена двойная мотивация.

²⁰ Ср. рус. *откровение*: «Заимств. из ст.-сл. яз., в котором оно является суффиксальным производным (суф. *-uj-*) от *отъкровень* — „открытый, откровенный“, страд. причастия прош. времени от *отъкрыти*» [Шанский 1961/1971: 318].

²¹ Толкование LKND: «*atvėrimas* (невозврат. форма от *atverti*), *atsivėrimas* (возврат. форма от *atsiverti*), *atodanga*». Примечательно, что И. А. Ширшов относит существительные, соотносительные одновременно с возвратным и невозвратным глаголами совершенного и несовершенного видов (напр., *возвышение* < *возвышать*, *возвышение* < *возвышаться*, *возвышение* < *возвысить* и *возвышение* < *возвыситься*), к множественной производности (явление, при которой производное слово с равной вероятностью может быть соотнесено и по форме, и по смыслу с двумя или более производящими) [Зубова 2014: 115–116].

с нормативными отглагольными образованиями на *-imas* (*-umas*): *įėja — įėjimas*, *draika — drikimas*, *drieka — driekimas(is)*, *atosklaida / atsklaida — atskleidimas*, *atodanga — atidengimas*, *atovėra — at(si)vėrimas*. Иногда для описания неологизма составители ограничиваются единственным словом — образованием на *-imas* (*-umas*) от того же корня.

В целом, все новообразования с формантом *-a* укладываются в описание, данное грамматикой. В виде исключения встретился неологизм (8), образованный от основы прилагательного:

*nuožulna*²² ‘покатое место; пандус, съезд’ (8)
< *nuožulnus* ‘покатый, наклонный’

*Kad vaizdais galėtų pasigrožėti neįgalieji, vežimėliams bus įrengtos **nuožulnos**.*

‘Чтобы видами могли полюбоваться люди с ограниченными способностями, для [инвалидных] колясок будут установлены **пандусы**.’

Разумеется, такой важный предмет, как пандус, не мог остаться без языкового внимания. У (8) существует неологизм-синоним:

núovaža ‘покатость, созданная между (9)
плоскостями разной высоты; пандус,
съезд’ < *núvažiavo* (инф. *núvažiuoti*
‘поехать, съехать’)

В качестве исключения для флективных образований на *-a* также отметим трудно интерпретируемый авторский неологизм:

sántapa ‘совпадение, (обоюдное) согласие, (10)
соединение’ < *sutapo* (инф. *sutapti*
‘совпасть’), авторск., единич. неол.

*Artėsite į **sántapą**, nes niekas nenori karo.* ‘Будете двигаться к **согласию** (досл. «совпадению»), потому что никто не хочет войны.’

В базе LKND для описания этого неологизма, как и многих других слов данной группы, дано одно слово — отглагольное существительное на *-imas* — *susitapatinimas* ‘полное совпадение одного с другим, ассимиляция’, образованное, в свою очередь, от *susitapatinti* ‘совпасть’ с корнем *tapat-* (ср. прил. *tapatus* ‘тождественный’), созвучное производящей основе в (10), но не родственное ей. Думается, (10) можно было бы толковать и через однокоренное *sutapimas* ‘совпадение, схождение (напр. во взглядах)’.

²² В словаре под редакцией А. Либыриса слово дано как технический термин с переводом «фаска» [LRRL], в LKND пометы «новое значение» нет, в LKŽ отсутствует.

Обобщим сведения, полученные в ходе анализа флективных новообразований на *-a*. Справедливо, что производящей основой здесь, как правило, является префиксальный глагол (если он непервичный, глагольный суффикс отбрасывается). Подавляющее большинство таких неологизмов являются достаточно точными синонимами нормативных образований на *-imas* (*-umas*). В рамках данной группы продуктивны следующие словообразовательные значения: 1) наименование действия (глагольная абстракция); 2) наименование результата действия. Ср. с достаточно распространенными неологизмами:

prieskyra ‘указанная автором научной работы информация о себе’
 < *priskirti* ‘причислить, отнести’

pértampa ‘дистресс (досл. «перенапряжение»)’ < *pér(si)tempti*
 ‘перенапрячься’

įvaisa ‘инбридинг, инцухт (досл. «разведение» опр. вида организмов;
 термин используется селекционерами в ботанике и зоологии)’
 < *įvaisyti* ‘разводить’

iškvieta ‘вызов (напр., скорой помощи)’ < *iškviesti* ‘вызвать’

apkaltà ‘импичмент’ < *apkáltinti* ‘обвинить’

Здесь же встретились слова, ранее уже зафиксированные в словаре (по обозначению специалистов LKND, «ожившие слова»): *papilda* ‘дополнение’, *paskanda* ‘наводнение, потоп’, *atgrasa* ‘устрашение’. Уступив когда-то более распространившимся вариантам (ср. *papilda* – *papildymas*, *paskanda* – *potvynis*²³), они сохранили свое лексическое значение в отличие от новых слов, образованных семантическим путем, т. е. употребленных в переносном значении, не зафиксированном прежде. К примеру, (4), (6), (9), а также *dreba* ‘дрожание’, *apšvieta* ‘освещение; Просвещение’. В этих случаях оценка словообразовательной модели неологизма не может быть однозначной, т. к. неизвестно, знал информант о существовании «заснувшего» слова (термина) ранее или нет.

²³ См. словарь синонимов литовского языка [SŽ].

Наименования действий и результатов действий почти никогда не несут экспрессивно-эмоциональной окраски, поэтому новообразования данной группы обычно стилистически нейтральны. Среди производящих основ отсутствуют такие, в состав которых входил бы недавно заимствованный корень — образование происходит от исконных глагольных основ. Единичны случаи калькирования: *atrieda* от рус. *откам*; *drieka* (4) от *urban sprawl*; *patika* от *trust* (в значении «доверительная собственность»).

2.3. Неологизмы с формантом -ė: 24 слова

Не только в литовском, но и в русском, английском и других европейских языках наблюдается тенденция образовывать слова женского грамматического рода от слов м. р. для наименования лиц женского пола, что вполне в духе времени. Большинство литовских одушевленных существительных исконно имеют одновременно мужской и женский род: в словарях обычно дана форма м. р., через запятую сопровождаемая альтернативным женским окончанием *-ė/-a*. Например, ср. начало статьи о Марии Гимбутене (Гимбутас) в русской и литовской Википедии:

Русский вариант:

Мария Гимбутас — американский археолог и культуролог литовского происхождения.

Литовский вариант:

Birutė Marija Alseikaitė-Gimbutienė – lietuvių kilmės archeologė ir antropologė. ‘Бируте Мария Алсейкайте-Гимбутене — археолог и антрополог литовского происхождения.’

Так, русский читатель литовскоязычной статьи сталкивается, во-первых, с разницей в грамматическом роде женской профессии; во-вторых, с неодинаковым написанием фамилии. Дело в том, что традиции написания литовских женских фамилий в самой Литве и за рубежом отличаются в том случае, если при переезде замужняя женщина отказывается от труднопроизносимой фамилии на *-ienė/-(i)uvienė*, образованной от фамилии

мужа, и принимает мужнюю (т. е. мужскую): *Gimbutienė* → *Gimbutas*, *Sutkuvienė* → *Sutkus*. То же касается и девичьих фамилий: *Skaistytė* → *Skaistys*, *Butkutė* → *Butkus*, *Balčiūnaitė* → *Balčiūnas*. В последнее время среди литовок распространилась тенденция скрывать свой семейный статус — женщины берут сокращенные фамилии без «говорящего» суффикса, напр. *Vaitkė* вместо **Vaitkuvienė* (*Vaitkus* — муж)/**Vaitkutė* (*Vaitkus* — отец), *Petraite* вместо **Petraitienė*/**Petraitytė*, *Žilė* вместо **Žilienė*/**Žilaitė*²⁴.

Неофеминистическая тенденция оказалась настолько привлекательной, что изменению подверглось даже нарицательное *человек*:

<i>žmogà</i>	‘абстрактная женщина, не характеризующаяся типично женскими качествами (напр. женственностью)’ < <i>žmogùs</i> ‘человек’, авторск ²⁵ . неол.	(11)
--------------	---	------

Pagal šiuo metu Lietuvoje vyraujantį požiūrį moterys vis dar suvokiamos ir pačios save suvokia pirmiausia kaip lyties atstoves – moteris, žmonas, potencialias meilužes, motinas, o ne žmones, žmogas [Acc. pl.] – *pilietes, profesiones, koleges*. ‘Взгляды, преобладающие в Литве на данный момент, таковы, что женщины все еще считаются, и сами себя считают, в первую очередь представительницами пола — женщинами, женами, потенциальными любовницами, матерями, а не людьми, **человекшами** [человечицами, человечинями?] — гражданками, профессионалами, коллегами.’

Это единственное новообразование с флексией *-a*, образованное от имени существительного, и оно также плохо вписывается в словообразовательный ряд основы *žmog-*, как понятие «женщины-человекши» в язык. Это несуразное тавтологичное наименование, в котором контаминированы гипероним и гипоним. Совершенно непонятно, что подтолкнуло автора использовать именно эту флексию для образования подразумеваемой им формы. Возможно, решающим стало звуковое сходство со словом *žmonà* ‘жена’. Правомернее было бы слово **žmogė*: окончание *-ė* является формантом для наименования лица женского пола, образованных от

²⁴ См. рекомендации Госкомиссии по литовскому языку (эл. ресурс: <http://www.vlkk.lt/naujienos/kitos-naujienos/ar-keisime-moteru-pavardes>).

²⁵ Кстати, фамилия автора с «девичьим» суффиксом *-utė* вполне соответствует канону.

наименований лиц мужского пола (как в сокращенных фамилиях). Рассмотрим такие наименования.

Отыменные существительные

По грамматике современного литовского языка, «самостоятельными наименованиями носителей отличительного полового признака (а не привычными формами *substantiva mobilia* ж. р.)» можно считать некоторые флективные дериваты, обозначающие самок животных и птиц, образованные от зоонимов общего рода, а также наименований конкретно самцов, например *briedis* ‘лось’ – *briedė* ‘лосиха’, *liūtas* ‘лев’ – *liūtė* ‘львица’, *vilkas* ‘волк’ – *vilkė* ‘волчиха’ [DLKG: 143]. Ни один из неологизмов (12)–(19) не является наименованием животного — это представительницы исторически мужских профессий²⁶, исполнительницы маскулинных действий и др.:

<i>urėdė</i>	‘начальница лесничества’ < <i>urėdas</i> ‘начальник лесничества; надсмотрщик’	(12)
<i>būdelė</i>	‘исполнительница смертной казни (перен.)’ < <i>būdelis</i> ‘палач’	(13)
<i>kareivė</i>	‘женщина-солдат’ < <i>kareivis</i> ‘солдат’	(14)
<i>krivė</i>	‘жрица, знахарка, служительница культа’ < <i>krivis</i> ‘языческий жрец’	(15)
<i>išmiñtė</i>	‘мудрая женщина’ < <i>išmiñčius</i> ‘мудрец’	(16)
<i>narcizė</i>	‘нарцисстичная, самовлюбленная девушка или женщина’ < <i>narcizas</i> ‘нарцисс (имя нариц. в перен. знач.), самовлюбленный человек’, авторск. неол.	(17)
<i>lavónė</i>	‘останки человека женского пола (пластинат)’ < <i>lavónas</i> ‘труп’	(18)

²⁶ Что касается профессий, в литовском языке нет проблемы образования наименований ж. р. для женщин-специалистов: хотя чуть более века назад доктором и ректором мог стать только мужчина, в языке закрепились наравне *daktaras* и *daktarė*, *rektorius* и *rektorė* (наименования ж. р. без шуточного или насмешливого оттенка).

‘один из родителей’²⁷ < (19)
tévé *tévaĩ* ‘родители’ (*tévas* ‘отец’),
 единич. неол., ирон.²⁸

Примеры (12)–(16) являются названиями лиц женского пола, произведенными от слов мужского грамматического рода (*masc. tantum*). Это слова для обозначения женщин в соответствии с занятием или качеством, которое считается мужским. Судя по примерам, предоставленным в LKND, этим названиям не свойственен эмоционально-экспрессивный оттенок, с которым часто сталкиваемся в русском (напр. шут. или насмешл. *хирургиня* < *хирург* или даже *хирургесса*, у которой «претензия на изыск существенно больше, чем у хирургини» [Санников 2002: 157]). Особыми случаями являются (17)–(19): производящие слова *narcizas* и *lavonas* не несут семантики лиц мужского пола, а *tévas* ‘отец’, как и *motina* (*moté, močia, močiutė*) ‘мать’, — термины родства с длинной индоевропейской историей, и гендерно-нейтральное (но женского грамматического рода) *tévé* сильно выбивается из вышеупомянутого ряда слов. В отличие от них, производящей основой здесь является существительное мн. ч. *tévaĩ*, что можно заключить из значения «лицо любого пола», выделяющегося среди лексических значений других флективных образований группы.

Отглагольные существительные

Отглагольных производных на *-ė* значительно меньше. Это малоупотребительные слова, с которыми конкурируют более распространенные синонимы (новые или словарные), ср. (20), (21) и неол. *grotazymė, saitažodis* в том же значении:

<p style="text-align: center;"><i>kreipė</i> (ударение предложено нами)</p>	<p style="text-align: right;">‘то, что направляет; тег, хэштег’ (20) < <i>kreipė</i> (инф. <i>kreipti</i> ‘направить, навести’), ср. с англ. <i>hashtag</i></p>
<p style="text-align: center;"><i>žymė</i></p>	<p style="text-align: right;">‘тег, хэштег’ < <i>žymėjo</i> (инф. <i>žymėti</i> (21) ‘пометить, отметить’); или // <i>žymė</i></p>

²⁷ Ср. графу «*Mother/Father/Parent*» в заявлении о получении паспорта (данные официального сайта Государственного департамента США, подробнее см. <https://eforms.state.gov/Forms/ds11.pdf>).

²⁸ Стилистические пометы приведены по LKND, переведены по примеру «Большого словаря русской разговорной экспрессивной речи» В. В. Химика [СЭР].

‘пометка, отметка’²⁹, ср. с англ.

hashtag

Пренебрежительно мало отглагольных образований на *-ė*, заменяющих слова с заимствованным корнем, но не прижившихся, напр.:

spraiðė ‘кнопка (деталь одежды)’ < *spáudė* (22)
(инф. *spáusti* ‘жать, нажимать’)
вместо заимст. *knõrkė*

По данным LKND, ранее зафиксированное большим словарем LKŽ слово *spraudelė* ‘застежка, заклёпка’ угасло как лексическая единица, а однокоренное (22) распространилось и считается рекомендуемым к употреблению.

Кроме того, трижды встречается комментарий составителей базы «*nepaujas (neužfiksuotas)*» ‘неновое (незафиксированное)’. Значит, глагольная основа в качестве производящей непродуктивна для образования флективных дериватов на *-ė* в современном литовском языке.

В заключение раздела обобщим имеющиеся сведения о флективных неологизмах с флексией *-ė*. Во-первых, это чаще всего слова, обозначающие лица женского пола, т. е., согласно DLKG, «привычные формы *substantiva mobilia* ж. р.», оказавшиеся все-таки непривычными и внесенными в базу. Другие возможные словообразовательные значения дериватов на *-ė*³⁰ представлены слабо и не всегда вписываются в общий лексикон. Исключениями являются приведенные далее неологизмы: первые два полюбились литовцам и даже вошли в новый учебник по лексике литовского языка³¹, последние — лексико-семантические образования — также широко распространены:

*dūzgėš*³² ‘фуршет, afterparty’ (Pl. tantum) < *dūgzti* ‘жужжать, гудеть’
kābės ‘брекеты, скобы’ (Pl. tantum) < *kabinti* ‘цеплять, нацеплять’
virpė ‘твистер, рыболовная приманка’ < *virpėti* ‘колебаться, дрожать’

²⁹ Не исключена двойная мотивация.

³⁰ См. перечень типов образований в разделе 2.1.

³¹ См. [Bingelienė 2014: 53, 113].

³² Слово, появившееся из ассоциации: *dūgzti* ‘жужжать, гудеть’ обычно используется по отношению к пчелам. Так, *dūzgėš* о собрании людей означает, что они производят жужжаще-гудящий звук, подобно рою пчел. Не исключено, что слово возникло в молодежной среде как жаргонное.

daržóvė ‘больной, вышедший из комы, но не пришедший в сознание, находящийся в вегетативном состоянии; разг. «овощ»’ // *daržóvė* ‘овощ’
blāķė ‘жучок (устройство для подслушивания)’ // *blāķė* ‘клоп’

Несмотря на то, что основной производящей основой здесь будет основа существительного м. р., среди новообразований также представлены редкие исключения, не обсуждаемые в грамматике, см. (16)–(19).

У новых слов, называющих женщин, отличающихся маскулинным качеством (12)–(16), отсутствует внятная экспрессивная окраска; однако, судя по примерам LKND, они связаны скорее с положительной оценкой называемого лица. Исключение с нетипичным для данной словообразовательной модели лексическим значением *tevė* (19) дано с пометой «ироничное». Синонимия со словарными словами и варианты среди неологизмов очень редки: это варианты *kreipė* (20) и *žymė* (21), или, напр., *virpė* ‘твистер, рыболовная приманка’ и прямое заимствование из англ. *twisteris*. В целом, среди образований на *-ė* часты единичные окказиональные слова, см. (11)–(19), а также:

pūsuvyrė ‘женщина, ведущая мужской образ жизни, досл. «полумужчинка»’
< *výras* ‘мужчина’
ròbotė ‘робот, имитирующий женское поведение’ < *ròbotas* ‘робот’
zòmbė ‘зомби женского пола’ < *zòmbis* ‘зомби’

Таким образом, хотя сами новообразования оказываются однодневками, «на случай», сама словообразовательная модель, по нашему мнению, может быть оценена как продуктивная.

2.4. Неологизмы с формантом *-as*: 11 слов

Данная группа включает только 11 слов, что позволяет судить о малой продуктивности флексии *-as* для флективного словообразования. Так, С. Кейнис справедлив в их оценке: слов для называния «средств для выполнения действий производится не много» [Keinys 1999: 59], грамматика не отмечает производительных особенностей форманта, ограничившись лишь сведениями о соотношении с наименованиями инструмента, образованными с другими флексиями (дериваты на *-as* составляют около половины всех наименований).

Среди неологизмов данной группы всего лишь два слова являются наименованиями «средств для выполнения действий» или, по грамматике, наименованиями инструмента. Притом они заменяют вошедшие русское *стоп-кран* (*stopkranas* → неол. *stabdas*) и заимствованное из английского *порт* в значении аппаратного порта (*portas* → неол. *prievadas*).

Интересен поиск наименования для медицинских работников мужского пола (медбрата, сиделки), ср. (23) и неол. *sesutis*, *seselis* (оба с ласкательным оттенком) в том же значении:

<i>slaiḡas</i>	‘мужчина, исполняющий обязанности сиделки’	(23)
	< <i>slaugė</i> ‘сиделка’, единич. неол.	

Однако нельзя сказать, что образование лиц мужского рода от имен fem. tantum является актуальным, в отличие от особых женских наименований.

2.5. Неологизмы с формантом **-is (-ys)**: 44 слова

Отыменные существительные

В группу флективных дериватов на *-is (-ys)* вошло около пятидесяти неологизмов, включая 25 отглагольных новообразований, 10 слов с новым значением, некоторые отыменные и другие образования. Об отыменных можно говорить не только в связи с флективной словообразовательной моделью: 6 из 7 отыменных неологизмов с окончанием *-is* были образованы префиксально-флективным способом. В литовской традиции его называют приставочным, хотя существует два вида производных имен, относящихся к приставочным образованиям: 1) без изменения флексии (ср. *pódukra* ‘падчерица’ < *dukrà* ‘дочь’, *pérdebesis* (диал.) ‘небольшое, внезапно возникшее облако’ < *debesis* ‘облако, туча’), что встречается редко, в основном в старых или диалектных словах; 2) с изменением флексии — большинство приставочных производных. Как отмечает В. Урбутис, «в образовании имен более привычна такая префиксация, где присоединение приставки сопровождается изменением окончания (словоизменительной парадигмы)» [Urbutis 2009: 259–260]. Обычно это сопровождается

изменением рода, ср. *krantas* ‘берег’ (м. р.) → *pakrantė* ‘побережье’ (ж. р.), *jūra* ‘море’ (ж. р.) → *pajūris* ‘взморье’ (м. р.), очень часто в топонимах, образованных от гидронимов: *Kruoja* → *Pakruojis*, *Svalia* → *Pasvalys*, *Lėvuo* → *Palėvenė* и др. Таким образом, во втором случае словообразовательный формант сложный, состоит из префикса и флексии, что и позволяет обозначить соответствующую модель образования как «префиксально-флективную». В ходе исследования нам встретились новые слова, подходящие под оба вышеописанных варианта:

<i>Таблица 2</i>	
префиксальные отыменные новообразования без изменения флексии	
<i>išparduotivė</i>	‘аутлет’ < <i>parduotivė</i> ‘магазин’, (24) ср. англ. <i>outlet</i>
<i>ūžvamzdis</i>	‘затрубное пространство’ < <i>vamzdis</i> (25) ‘труба’
префиксально-флективные отыменные новообразования	
<i>priekasis</i>	‘прилавок у кассы, на котором (26) размещены мелкие товары’ < <i>kasà</i> ‘касса’
<i>pãprojektis</i>	‘подпроект; самостоятельная часть (27) крупного проекта’ < <i>projėktas</i> ‘проект’, ср. англ. <i>subproject</i>
<i>bepilòtis</i>	‘беспилотник; беспилотный (28) летательный аппарат’ < <i>bepilòtis, -ė</i> ‘беспилотный (прил.)’ < <i>pilòtas</i> ‘пилот’

Пример (28) особый: слово имеет омоним — имя прилагательное *bepilotis, -ė* ‘беспилотный’. Ввиду того, что обычно слова с приставкой *be-* и измененной флексией являются прилагательными (ср. *beprasmis* ‘бессмысленный’ < *prasmė* ‘смысл’, неол. *becukris, -ė* ‘без сахара’ < *cukrus* ‘сахар’), здесь вероятнее более сложный способ образования — через субстантивацию прилагательного. Лишь один неологизм образован от прилагательного морфологическим путем — *trãškis* ‘крекер, сухарик’ < *traškùs* ‘трескучий; хрусткий, хрустящий’.

Отглагольные существительные

К данной группе мы отнесли не только собственно флективные новообразования, но и суффиксально-флективные, что образованы от

основы инфинитива (вида основа инф. + суффикс *-t-* + *-is*³³) и называют действия и отвлеченные понятия. С точки зрения семантики, они близки к словам, произведенным флективным способом без участия суффикса из раздела 2.2 (ср. также примеры флективных образований на *-is*, о которых далее):

<i>pateiktis, -ies</i> ³⁴	<p>‘1. презентация как представление (29) какого-либо вопроса; 2. электронная презентация, информация в цифровом формате’ < <i>pateikti</i> ‘представить; подать’, ср. англ. <i>presentation</i>: используется вместо интернационализма <i>prezentacija</i></p>
<p><i>Neskaitykite pateikties teksto.</i> ‘Не читайте текст презентации.’</p>	
<i>nyktis, -ies</i>	<p>‘исчезновение (в авторском (30) контексте: исчезновение вида, вымирание)’ < <i>nykti</i> ‘исчезать, пропадать; выводиться (о животных)’; авторск. неол., единичный, толкуется через однокоренной синоним <i>nykimas</i></p>
<p><i>...išsigimimas, pasireiškiantis „olimpinės ramybės“ laikysena tautos biologinės nykties akivaizdoje.</i> ‘...вырождение, проявляющееся в сохранении «олимпийского спокойствия» перед биологическим вымиранием народа’</p>	
<i>ūgtis, -ies</i>	<p>‘рост, развитие (часто в контексте (31) личностного роста)’ < <i>augti</i> ‘расти’, ср. словарные <i>ūgis</i> ‘рост’ как результат и <i>augimas</i> ‘рост’ как процесс</p>
<p><i>Daug dėmesio skiriama naujai nukaldintoms highfalutin sąvokoms, braškančiomis nuo savo pačių svarbos suvokimo: „saviraiškus dalyvavimas“, „pa(si)dalyta lyderystė“, „asmenybės ūgtis“.</i> Много внимания уделяется новоявленным highfalutin (с англ. «напыщенным» — примечание мое, Д. А.) понятиям, трескучим от понимания собственной важности: «самовыражение», «разделенное лидерство», «личностный рост».’</p>	

Обнаружилось, что половина (12 из 25) отглагольных новообразований с флексией *-is* аналогичны примерам (29)–(31). Так, при схожих

³³ Согласно современной грамматике, выделяются суффикс *-t-* и окончание *-is*. С позиций истории языка *-tis* рассматривается как единый суффикс образований с *i*-основой.

³⁴ Судя по большому количеству примеров и по результатам поиска в Интернете, слово очень распространено.

словообразовательных и лексических значениях отглагольные дериваты данной подгруппы разделяются на «чистые» и флективно-суффиксальные.

По грамматике современного литовского языка, такие «чистые» флективные образования от глагольных основ на *-is* — это понятия, называющие действия и деятелей (или носителей качества по определенному основной действию). Первые чаще всего обозначают «однократное быстрое действие» (см. табл. 1), чаще производны от первичных глаголов с приставкой [DLKG: 100], напр. *ūžpuolis* ‘нападение’ < *užpuole* (инф. *užpulti* ‘напасть’). Неологизмов со значением быстрого действия не встретилось. Большинство из них называют процесс или результат действия (ср. флективные новообразования на *-a*, раздел 2.2):

<i>sąšvelnis</i>	‘хэджирование ³⁵ (линг.)’ < <i>sušvelnéjo</i> (32) (инф. <i>sušvelnėti</i> ‘смягчиться’), ср. англ. <i>hedge, hedging</i>
------------------	--

<i>pėrdainis</i>	‘кавер, кавер-версия’ < <i>pėrdainavo</i> (33) (инф. <i>pėrdainuoti</i> ‘перепеть’), вместо <i>koveris</i> от англ. <i>cover</i>
------------------	--

Два слова группы обозначают «устройство по действию, названному корнем», т. е. употребляются в значении инструмента, напр.:

<i>riėdis</i> (флект. новообразование)	‘сегвей’ < <i>riedėjo</i> (<i>riedėti</i> ‘катиться’), (34) ср. англ. <i>segway</i>
---	---

<i>išvestis, -ies</i> (суфф.-флект. новообразование)	‘кабель; (звуковой) адаптер’ < <i>išvesti</i> (35) ‘вывести/выводить’
---	--

Оба слова достаточно распространены и оба связаны с технологиями. Как видно, более приживчивы неологизмы, называющие новые реалии: изобретения, новые виды деятельности (в сфере развлечений, технологий, науки и т. д.) — словом, новые слова для новых понятий.

Другие отглагольные новообразования на *-is* по преимуществу единичные, авторские, легко заменимые синонимом на *-imas/-ymas*. Так, преобладают отвлеченные наименования, но встречаются и слова, называющие конкретные предметы и явления (см. табл. 3).

Таблица 3

³⁵ В значении «отклонение от прямого ответа», подробнее о понятии в статье Дж. Лакоффа [Lakoff 1973].

слова с абстрактным значением

pateiktis (29) в 1 знач., *nyktis* (30), *ūgtis* (31), *sąšvelnis* (32), а также:

<i>išlindis</i>	‘вылазка; (значение в контексте: «появление на телевидении»)’ < <i>išliñdo</i> (инф. <i>išlįsti</i> ‘вылезть’), авторск., единич.	(36)
<i>stingtis, -ies</i>	‘застой’ < <i>stįngti</i> ‘застывать, студенеть, цепенеть’	(37)

слова с конкретным значением

pateiktis (29) во 2 знач., *pėrdainis* (33), *riėdis* (34), *išvestis* (35)

Слова с конкретным значением более популярны в употреблении, однако уступают по количеству абстрактным. Ср. также следующие неологизмы:

<i>nūovyliš</i> ‘разочарование’ < <i>nusivýlė</i> (инф. <i>nusivilti</i> ‘разочароваться’) / <i>trikis</i> ‘компьютерная ошибка, системный сбой’ < <i>triko</i> (инф. <i>trikti</i> ‘нарушаться; ошибаться’) / <i>steigtis</i> ‘учреждение’ < <i>steigė</i> (инф. <i>steįgti</i> ‘учреждать, основывать’) / <i>nesūlūkis</i> ‘неожидание’ образовано по аналогии с <i>ilgalūkis</i> ‘длительное ожидание’ / <i>lėkis</i> ‘длина свободного пробега (молекулы)’ // <i>lėkis</i> ‘пролет, пробег’

Новообразованные абстракты на *-is* — это, в основном, авторские новообразования, употребленные лишь единожды (причем, экспрессивно нейтральные). Можно предположить, что привычное *-imas/-umas* заменяют флективными новообразованиями на *-a, -is, -tis* с целью передать мысль более кратко и вместе с тем свежо, оригинально. Такую «замену» можно счесть за проявление закона экономии речевых усилий, который в данном случае превращается в экономию энергии печатающего. Ведь печатающий — это тот же говорящий, а печатный текст — это продиктованное вслух или про себя высказывание: языковой акт остается под контролем диктующего.

Стоит отметить, что основы с новозаимствованными корнями совсем не участвуют в образовании неологизмов выделенной группы.

Выводы к главе 2

Общее число флективных образований — более ста, из чего следует, что данная словообразовательная модель весьма продуктивна. Мы подробно рассмотрели особенности образования слов с

формантом *-a (-ia)*, *-ė*, *-as*, *-is (-ys)*, *-is (-ies* в Gen.). Образования на *-ius* остались не охарактеризованными в силу их малой продуктивности³⁶.

Так, абсолютное большинство флективных новообразований в литовском языке представлены отглагольными существительными с формантами *-a*, *-is*³⁷. В ходе их анализа были сделаны следующие выводы:

1. Приставочные образования значительно превосходят в количестве неприставочные, что отмечается и в грамматике современного литовского языка (см. табл. 1).
2. Наиболее четко выделились такие словообразовательных значения, как «наименование действия», см. (1), (3), (4), (30), (32) — *nomen actionis*, «наименование результата действия», см. (29), (33), (36), (37), а также *nomen abstractum*, как (2), (5), (10), (31).
3. Конкретные *nomen instrumenti*, созданные для наименования относительно новых реалий (*riedis* ‘сегвей’, *išvestis* ‘кабель; (звуковой) адаптер’, *stabdas* ‘стоп-кран’) редки, но они быстро приживаются в силу своей незаменимости. Допустима конкуренция лексических вариантов, ср. (8) и (9), (20) и (21).
4. Предписанная грамматикой семантика кратковременности действия у флективных новообразований на *-is* не обнаружилась.
5. Основы с новозаимствованными корнями совсем не участвуют в образовании флективных неологизмов на *-a*, *-is*, что свидетельствует о том, что глаголам с заимствованными корнями требуется больше времени, чтобы занять ячейки в словообразовательном гнезде.

Производных от имен существительных гораздо меньше: это по преимуществу наименования лиц с окончаниями-формантами *-ė*, *-as* (реже), образованные от имен, исторически закрепившихся в лексике как

³⁶ В базе LKND они представлены только двумя авторскими контекстными неологизмами *būkčius* ‘букинист’ и *sriogiodčius* ‘прыщавый (сущ.)’.

³⁷ На момент проведения исследования единицы с окончанием *-us* в базе представлены не были.

masc. tantum/fem. tantum, напр., *kareīvē* ‘женщина-солдат’ (14), *slaiģas* ‘мужчина, исполняющий обязанности сиделки’ (23). В основном это слова, отражающие социальные роли женщин (подробнее см. раздел 2.3).

Мы заключили, что флективные новообразования часто являются средством транспозиции одной части речи в другую, т. е. очень «морфологичны» по своей природе. Но уже здесь заметно, что наиболее активно распространяющиеся неологизмы суть производные новых реалий, зеркало динамических общественных процессов, ср. *pateiktis* (29), *riedis* (34), *išvestis* (35). Как писала исследовательница современного русского языка Н. С. Валгина: «Язык живет во времени (имеется в виду не абстрактное время, а общество определенной эпохи), но и время отражается в языке» [Валгина 2003: 4]. Меняется жизнь — меняются языковые тенденции, и наравне со словообразовательными — акцентуационные, лексические, морфологические, синтаксические и др.³⁸.

Основные лексические значения флективных новообразований можно охарактеризовать следующим образом:

- неологизмы из художественных, научных и публицистических работ, относящиеся к самым разным сферам жизни, большинство из которых — отвлеченные понятия;
- неологизмы, описывающие социальную сферу: виды деятельности, социальные явления (к примеру, связанные с обострением гендерных вопросов);
- неологизмы, описывающие техническую сферу: новые изобретения и все, что касается компьютеров и др. электронных устройств (от *bepilotis* ‘беспилотник’ до *trikis* ‘компьютерная ошибка, системный сбой’).

³⁸ О соответствующих активных процессах в современном русском языке см. [Валгина 2003].

Глава 3. Суффиксация. Дериваты с уменьшительно-ласкательными суффиксами

3.1. Общие сведения

В литовском языке уменьшительно-ласкательные (далее ум.-ласк.) суффиксы являются очень продуктивными и в разговорной речи встречаются часто, в самых различных сферах жизнедеятельности. Более привычными являются речевые ситуации, когда их употребление связано с передачей субъективной оценки, экспрессивного оттенка³⁹. Например, в далее приведенном контексте слово *sūrelis* ‘сыр, сырок, сырочек’ употреблено в том же значении, что и *sūris* ‘сыр’, но с подчеркнутым положительным отношением автора / говорящего:

Maryt, nuo manęs Zenonėliui talkininkui, – pasakė ji, įduodama motinai riebių geltoną sūrelį, išmargintą tamsiais kmynų grūdėliais. – Ką ne ką, o jau sūrelį tai aš jam kas savaitę sudėsiu... [Пример из ТКСТ] ‘Марите, вот от меня Зянонелису-работнику, — сказала она, протягивая матери жирный желтый **сырок**, пестрый от семян тмина. — Что-что, а уж **сырок-то** я для него каждую неделю приготавлию.’

С другой стороны, существует *sūrelis* ‘сырок’ с тем же уменьшительным суффиксом в значении ‘маленький, творожный сырок’, соотносящийся с конкретным видом творожного продукта. Так и неологизм с ум.-ласк. суффиксом — не уменьшительно-ласкательная форма какого-либо слова, а самостоятельное слово. Ср. также узуальные слова: *sqvarža* ‘скрепа; скрепление; закрепа; стяжка’ – *sqvaržėlė* ‘скрепка (для бумаги)’; *nykštys* ‘большой палец; первый палец руки’ – *nykštukas* ‘сказочный персонаж: гном, карлик, мальчик-с-пальчик; зоол. королек’; *bernas* ‘парень; батрак’ – *berniukas* ‘мальчик’. Каждый второй пример является суффиксальным образованием,

³⁹ См. подробнее об ум.-ласк. суффиксах в литовском языке [DLKG: 87–93].

обозначающим конкретное понятие. Общее словообразовательное значение здесь можно было бы охарактеризовать так: «то, что является похожим на понятие, названное корнем». Здесь основным значением суффиксов *-elė* и *-ukas* не является значение уменьшительности, и они не выражают отношения говорящего к предмету.

В DLKG данная категория суффиксов понимается в широком смысле: это образования, обозначающие как ласкательность и уменьшительность, так и увеличительность, пренебрежительность, напр.: *Tai bent šaltelis!* ‘Ну и морозище (досл. «морозик»)!’; *Advė apie Lietuvą težina tiek, kad iš Žemaitijos atvažiuoja pasigailėjimo verti žmoneliai* ‘О Литве Адве только и знает, что из Жемайтии приезжают людишки, достойные жалости’⁴⁰. Конечно, большинство таких слов являются диминутивами, передающими, в первую очередь, сведения о величине или зрелости (точнее незрелости) предметов. Другие словообразовательные особенности слов данной группы:

- могут быть образованы «почти от каждого существительного» [DLKG: 87], ограничения по сочетаемости с именной основой редки;
- могут быть присоединены несколько ум.-ласк. суффиксов один за другим (*saul-el-ytė* ‘солнышко’, *tilt-el-iukas* ‘мосток’, *gaid-už-ėlis* ‘петушок’);
- допускается слияние значения уменьшительности и ласкательности (*Iš laukų nuo šilo papūtė šiltas, malonus, pušų sakais*

⁴⁰ Такие значения развились у самого распространенного из ум.-ласк. суффиксов *-elis, -ė*; причем они всегда обусловлены контекстом. Думается, что пренебрежительность — это не отдельное значение суффикса, а одно из возможных проявлений уменьшительности как недостаточности. Ср. ум.-ласк. суффикс *-(i)ukštis, -ė*: по DLKG, «на первое место здесь нередко выходят значение пренебрежительности и уничижительности» [DLKG: 92], напр. *vaikiūkštis* ‘мальчишка (уничиж.)’ < *vaikas* ‘ребенок’. Из примера с морозом видно, что значение увеличительности обусловлено контекстом: во-первых, формально (частица *bent*, восклицательная интонация), во-вторых, по смыслу. Скорее всего, здесь имеет место шутливость, ср. *Какая погода!* (=Погода хорошая) и *Ну и погода!* (=Погода плохая).

kvepiąs vėjelis. ‘Снаружи с бора подул теплый, приятный, пахнувший сосновой смолой **ветерок**.’).

На момент проведения исследования в базе зафиксировано 172 слова (в том числе 19 семантических дериватов и 5 слов в составе словосочетаний) с уменьшительно-ласкательными суффиксами *-(i)ukas, -ė, -elis, -ė, -utis, -ė* и только 7 с *-ulis, -ė, -ytė, -okas, -ikė(s)*. Надо полагать, что все они являются отдельными лексическими единицами и не отождествимы с активно употребляемыми в повседневной речи диминутивами.

3.2. Неологизмы с формантом *-(i)ukas, -ė*: 119 слов

Большинство слов с этим суффиксом имеют варианты среди неологизмов по мягкости основы, роду и т. д. (см. табл. 4). Чаще всего варианты синонимичны:

Таблица 4		
ВАРИАНТЫ НЕОЛОГИЗМОВ		
• по мягкости основы		
<i>skanùkas/skaniùkas</i>	‘лакомство, «вкусняшка» для домашних питомцев’	(38)
<i>bjaurùkas, -ė/bjauriùkas</i>	с разным лексическим значением: 1) ‘отвратительного вида вязаный свитер (обычно в рождественском стиле)’, является дословным переводом англ. <i>ugly sweater</i> ; 2) ‘тот, кто неприятен, гадок, отталкивающе ведет себя’, шут.	(39)
• по грамматическому роду		
<i>glaustinùkas/glaustinùkė</i>	‘предмет детской одежды, застегивающийся между ножками’	(40)
<i>delninùkas/delninùkė</i> ⁴¹	‘сумка-клатч’, см. также (43)	(41)
• по словообразовательному форманту		
<i>glaustinùkė/glaustinis</i> ⁴²	‘боди (предмет женской одежды)’	(42)
<i>delninùkė/delninė</i>	‘сумка-клатч’, см. также (41)	(43)
• по производящей основе		
<i>plunksninùkas/skraidùkas</i>	‘волан (для игры в бадминтон)’: 1) < <i>plunksninis</i> ‘перистый’	(44)

⁴¹ LKND: «более частотный, уже укоренившийся вариант».

⁴² *-inis, -ė* — продуктивный суффикс прилагательных, формально является формантом, но также здесь важна субстантивация (см. [Skardžius1943/1996: 138]).

< *plunksnas* ‘перо’; 2) < *skraidė* (инф. *skraidyti* ‘летать’)

slapùkas/sausainiùkas

‘куки-файлы (ср. англ. *cookie*)’: (45)
1) < *slapus* ‘скрытый’; 2) < *sausainiai*
‘печенье’

Пример *sausainiukas* примечателен и тем, что является калькой с английского. Среди литовских неологизмов кáлек, особенно связанных с компьютерными реалиями (и «виртуалиями»), большое количество, причем образованы они по совершенно разным моделям и встречаются как среди суффиксальных образований, так и среди сложных неологизмов, см. примеры суффиксальных дериватов-кáлек (46)–(48):

švelnùkas

‘смузи, фруктовый напиток, по (46)
консистенции как пюре’ < *švelnus*
‘нежный’ от англ. *smoothie*
(варианты: заимствование *smutis* и
еще одна калька *glotnutis* < *glotnus*
‘гладкий’)

*asmenùkė*⁴³/*asmeninùkė*

‘селфи, сделанная самим собой (47)
фотография себя (ср. рус.
«себяшка»)’ < *asmeninis* ‘личный’
< *asmuo* ‘лицо, личность’ от англ.
selfie

vėlinùkai

‘дреды, дредлоки’ < *vėlinys* ‘валяная (48)
вещь’ от англ. *dreadlocks*

По преимуществу, для новообразований с ум.-ласк. суффиксами характерны самостоятельные литовские новообразования, которые можно разделить на следующие подгруппы:

1. отглагольные существительные;
2. отыменные существительные;
3. существительные, образованные от основы прилагательного;
4. существительные, образованные непродуктивными способами (от основы причастия/наречия; от интернациональных аффиксоидов типа *mikro-*, *mini-*, *euro-*; по способу контаминации, звуковой аналогии) — всего 7 слов;

⁴³ LKND: «быстро распространившийся», «нормативный (основной) вариант».

5. существительные, возникшие в результате лексико-семантического словообразования (всего 31 слово).

Отглагольные существительные

Отглагольные существительные на *-ukas* — это, в основном, слова м. р., называющие различные встречающиеся в обиходе приспособления со словообразовательным значением «тот, который производит действие, названное глагольной основой, либо предназначен для этого действия», напр.:

<i>pakabùkas</i>	‘подвеска; брелок’ < <i>pakabèjo</i> ⁴⁴ (инф. <i>pakabèti</i> ‘висеть’) (49)
<i>mirksiùkas</i>	‘мерцающий фонарик (чаще о таком, который прикрепляется к велосипеду), ср. англ. <i>blinker</i> ’ < <i>mirksèjo</i> (инф. <i>mirksèti</i> ‘мигать; мерцать’) (50)
<i>pypsiùkas</i>	‘какой-либо прибор или механизм, издающий пищущий звук’ < <i>pypsèjo</i> (инф. <i>pypsèti</i> ‘пищать’) (51)
<i>skraidùkas</i>	1. ‘летающий диск; фрисби’; 2. ‘волан (для игры в бадминтон)’; 3. ‘вид уличной игры’; 4. ‘запускаемая в воздух игрушка’ < <i>skraidè</i> (инф. <i>skraidyti</i> ‘летать’), см. также (44) (52)
<i>migdùkas</i>	‘мобиль, музыкальная карусель на кроватку’ < <i>migdè</i> (инф. <i>migdyti</i> ‘усыплять’) (53)

Примечательно, что при описании суффиксов «*-uka-*, *-oka-*, изначально *-ka-*, образованных от *и*-основ, ср. *сын* : ст.-слав. *сынъ-къ*; *сладъ-къ* : *saldus* ‘сладкий’», П. Скарджюс предлагает в качестве их первостепенной функции образование слов *nomina agentis* [Skardžius1943/1996: 136]. Далее приводятся образования со значением инструмента, либо «просто некоторой вещи»: «*kabukas*» ‘крючок для перемешивания содержимого горшка в печи’, «*kandukas*» ‘мундштук’, «*švilpukas*» ‘свисток’ и т. д.

⁴⁴ Напомним, что словообразующая глагольная основа лучше всего определяется по форме прошедшего времени, а формообразующий суффикс с тематическим гласным (здесь *-èjo*) не учитывается (см. гл. 2, раздел 2.1).

Среди неологизмов же отглагольные *nomina agentis* — это 3 слова из 18, образованные от отрицательных глаголов:

<i>nemiegiùkas, -ė</i>	‘маленький ребенок, который с трудом засыпает’ < <i>nemiegojo</i> (инф. <i>miegoti</i> ‘спать’), ласк. (54)
<i>neporiùkas, -ė</i>	‘нехочуха; ребенок, который часто говорит: «Не хочу!»’ < „ <i>Neporiu!</i> “ [1Sg], либо < <i>nenorejo</i> (инф. <i>norėti</i> ‘хотеть’) (55)
<i>taupùkas, -ė</i>	‘тот, кто экономит, бережет’ < <i>taupė</i> (инф. <i>taupyti</i> ‘экономить, беречь’) ⁴⁵ (56)

В примере (56) осуществляется такой фундаментальный словообразовательный процесс, как транспозиция⁴⁶. Данное образование называет умение или склонность что-то делать, переводя глагол в другую часть речи. Интересен «поиск» субстантивного слова для называния экономного человека: у примера (56) существует равноценный синоним, образованный от основы имени прилагательного⁴⁷:

<i>taupiõlis, -ė</i>	‘экономный, бережливый человек’ < <i>taupus</i> ‘экономный, бережливый’ (57)
----------------------	--

Ср. в похожем контексте:

1. *Taupikė Kate Middleton suspiando pasipuošusi suknele už 67 eurus*
‘**Экономная** Кейт Миддлтон засияла, нарядившись в платье за 67 евро [заголовок]’
2. *Kate Middleton – tikra taupiolė: pasipuošė suknele už 48 eurus iš lietuvių patėgtos parduotuvės*
‘У Кейт Миддлтон **каждая копейка на счету** (досл. «настоящая экономиня»): нарядилась в платье за 48 евро из любимившегося литовцам магазина’

И все-таки для зафиксированных в базе LKND отглагольных образований на *-(i)ukas, -ė* более характерным является значение

⁴⁵ Отрицательность заключена в лексическом значении: *беречь* — «не тратить, не расходовать что-нибудь напрасно» (первое значение в [ТС]).

⁴⁶ Подробнее см. [Urbutis 2009: 195–199].

⁴⁷ Синонимия отмечена нами, LKND не дает комментариев к этой паре.

«предназначенный для действия, названного глагольной основой», ср. (49)–(53), еще примеры:

stumdùkas ‘каталка-ходунки’ < *stumdyti* ‘толкать’

spardùkas ‘игровой коврик для малышей’ < *spardyti* ‘пинать, брыкать’

lankstùkas ‘буклет’ < *lankstyti* ‘сгибать, складывать’

pilstùkas ‘алкогольный напиток плохого качества, изготовленный в домашних условиях’ < *pilstyti* ‘разливать’, уничиж.

kramtùkė ‘жевательная резинка’ < *kramyti* ‘жевать’; *žiaumùkė* < *žiaumoti* ‘уплестать’ в том же значении

Учитывая историю суффикса, отметим тенденцию к образованию *nomina objecti*, тогда как в [Skardžius 1943/1996] *-ukas*, *-ė* назван продуктивным для *nomina agentis* (см. выше). Что же касается лексических значений образований, немало слов связаны с предметами, предназначенными для детей или животных, напр., *stumdùkas* и *spardùkas* из вышеприведенного списка, см. (38) и (40), возможно (51), (52) в четвертом значении, (53), также ср. наименования не без ум.-ласк. оттенка (54), (55). Так, доминирующее словообразовательное значение форманта (уменьшительность) связывается со значением «предназначенности» и рождает указанную семантику с осязательным оттенком «сюсюканья».

Отыменные существительные

Среди неологизмов данной подгруппы можно выделить два основных значения:

1. «кто-то одушевленный, характеризуемый корнем по роду занятия, принадлежности к какому-либо множеству себе подобных», напр.:

beglobiùkas, *-ė* ‘беспризорное животное’ < *beglobis* (58)
‘беспризорник’, ласк.

dūzgiùkas, *-ė* ‘участник фуршета, афтерпати’ (59)
< *dūzgis*⁴⁸ ‘фуршет, афтерпати’, неол.

2. «предмет, являющийся миниатюрным вариантом денотата, названного корнем, или предназначенный для того, что указано корнем», напр.:

užkandùkas ‘легкая закуска, снэк’ < *užkandis* (60)
‘закуска’

⁴⁸ Подробнее об этом неологизме см. об отглагольных существительных в разделе 2.3.

duoniùkas ‘хлебец; небольшой ломтик, обычно (61)
изготовленный из муки’ < *duona*
‘хлеб’

П. Скарджюс называет производные от имен существительных на *-(i)ukas, -ė* вторичными по отношению к отглагольным [Skardžius 1943/1996: 137]. Автор не дает определенной характеристики группе в целом, однако ее нетрудно установить по примерам, которые всегда приводятся в большом количестве: *barzdukas* ‘бородатый карлик, гном’, *radviliukas* ‘найденш’ (ср. совр. *rastinukas*), *skurdžiukas* ‘убогого вида (слабый, худой) человек, животное’; *pirštukas* ‘наперсток’ (ср. совр. *pirščiukas, antpirštis*), *statukas* ‘приспособление (опора) для малолетних детей, развивающее умение стоять’ и т. д. Итак, ясно: в основном, это образования, называющие что-то маленькое (по размеру, по росту, молодое, слабое), либо предназначенное для маленького (орудие, приспособление).

Также в рамках данной подгруппы были отмечены неологизмы, образованные от имен собственных (всего 5 из 24), напр.:

<i>balsevičiùkas/balsiùkas</i>	‘гриб вида <i>Aureoboletus projectellus</i> ’ < (62) <i>Balsevičius</i> — nomina propria (литовская фамилия) ⁴⁹
<i>grindinùkas, -ė</i>	‘жители приюта для животных (63) «Grinda»’ < «Grinda»
<i>snoriùkas</i>	‘небольшой киоск, филиал (64) существующего некогда в Литве банка «Snoras» < <i>Snoras</i>

Лексические значения приведенных новообразований связаны тем, что называют небольшое по размеру, пример (62) сочетает в себе значение и уменьшительности и ласкательности.

Отадъективные существительные

В ходе исследования оказалось, что для большинства неологизмов на *-(i)ukas, -ė* словообразующей основой стало имя прилагательное.

⁴⁹ Этот гриб, найденный на Куршской косе, был назван в честь его первооткрывателей — семейства Бальсевичюсов. В разных СМИ зафиксировано три варианта названия: *balsevičiukas, balsiukas, balsevičius*.

Количественно эта подгруппа превосходит каждую из вышеописанных в два раза.

Такое соотношение не удивительно, если учесть следующий факт: суффикс *-(i)ukas*, *-é* сочетается как с основами качественных прилагательных, так и с производными основами относительных прилагательных, т. е. образованных от существительных посредством форманта *-in-*. Ср. словарные *kailinukai* ‘полушубок; шубка < *kail-inis* ‘меховой, пушной’ < *kailis* ‘шкура; мех’, *rankinukas* ‘ридикюль; ручная сумочка’ < *rank-inis*, *-é* ‘ручной’ < *ranka* ‘рука’, *arbatinukas* ‘чайник’ < *arbat-inis* ‘чайный’ < *arbata* ‘чай’. К тому же, следует принять во внимание возможность образования уменьшительных форм от субстантивированных прилагательных на *-inis*, *-é*, как *stikl-iné* ‘стакан’ – *stiklinuké* ‘стаканчик’, *pinig-iné* ‘кошелек’ – *piniginuké* ‘кошелечек’, *vat-inis* ‘стеганка, ватник’ – *vatinukas* ‘ватничек, фуфайка (разг.)’. Их словообразовательное значение отличается от значения ранее упомянутых производных типа *kailinukai*, *rankinukas*: здесь *-(i)ukas*, *-é* является показателем уменьшительности, что отражает омонимию ум.-ласк. и «относительных» форм. Иными словами, словообразовательное значение у *arbatinukas* — «то, что относится к названному основой предмету», а *piniginuké* — не «то, что относится к деньгам», а «маленький предмет, названный основой». Зато, по нашим наблюдениям, «то, что относится к названному основой предмету» обычно не бывает большим. Предположительно в словах и неологизмах типа *arbatinukas* смешиваются упомянутые словообразовательные значения.

Следующие примеры новообразований с относительным значением примечательны тем, что все они имеют синонимичную пару-неологизм с суффиксом относительного прилагательного *-inis*, *-é*. Кстати, словообразовательная модель последних неоднозначна: это может быть как субстантивация, так и суффиксация с переосмыслением суффикса *-inis*, *-é* как субстантивного, см. табл. 5:

СИНОНИМЫ	
• ОТЫМЕННЫЕ	
<i>delninùkė/delnìnė</i> , см. (41)	
<i>juosmenùkė / juosmenìnė</i>	‘поясная сумка’ < <i>juosmeninis</i> (65) ‘поясничный’ < <i>juosmuo, -mens</i> ‘поясница; талия’
• ОТГЛАГОЛЬНЫЕ	
<i>glaustinùkė/glaustinis</i> , см. (42)	
<i>čiulpinùkas/čiulpìnis</i>	‘чупа-чупс; сосательная конфета’ < <i>čiulpė</i> (инф. <i>čiulpti</i> ‘сосать’) (66)
<i>sumestinùkas/sumestìnė</i>	‘складчина’ < <i>sumetė</i> (инф. <i>sumesti</i> ‘сбрасывать вместе’) (67)

Хотя морфологически подгруппа отнюдь не однородна, отметим, что неологизмы на *-in-ukas, -ė* чаще называют предметы одежды, аксессуары.

В литовском языке субстантивации поддаются и причастия. Только три члена описываемой суффиксальной группы образованы от субстантивированных страдательных причастий настоящего и прошедшего времени. Хотя мы не выделяем эту словообразовательную модель в подгруппу, приведем неологизм, по лексическому значению (обозначает ребенка) напоминающий об отглагольных дериватах с данным суффиксом (в LKND зафиксирован 7 раз):

<i>parengiamùkas, -ė</i>	‘подготовишка; дошкольник, посещающий курсы, кружки’ < <i>parengiamas [vaikas]</i> ‘подготавливаемый [ребенок]’ (68)
--------------------------	--

Так, судя по словообразовательному и лексическому значениям, отпричастные существительные с формантом *-(i)ukas, -ė* ближе к отглагольным, чем к отадъективным.

Основы качественных прилагательных тоже оказались менее продуктивными, чем основы относительных прилагательных. Причем словообразовательные значения здесь напоминают значения отглагольных образований: ум.-ласк. наименования детей и предметов, «предназначенных для действия, названного глагольной основой». Однако в силу того, что действия здесь нет, «предназначенных для проявления признака,

названного основой». Причем назвав действие «динамическим признаком», мы сведем разницу в словообразовательных значениях отглагольных и отадъективных дериватов на *-(i)ukas, -ė* к минимуму. Ср. значения *skanukas/skaniukas* (38), *bjaurukas/bjauriukas*, (39), *švelnukas* (46) и др., в том числе:

<i>kvapùkas</i>	‘ароматизатор для автомобиля или помещения’ < <i>kvapus</i> ‘душистый, пахучий’	(69)
<i>greitùkė</i>	‘автомобиль скорой помощи; скорая (разг.)’ < <i>greitosios [pagalbos automobilis]</i> ‘скорой [помощи автомобиль]’	(70)
<i>trumpùkas</i>	1. ‘короткометражный фильм’ (наиболее распространенное значение) 2. ‘короткое стихотворение’ 3. ‘короткая блуза’, единич. 4. ‘короткая юбка’, единич. 5. ‘коротконогий пес’, единич. < <i>trumpas</i> ‘короткий’	(71)

Следующие примеры (72), (73) не вписываются в предыдущий ряд лексически. Хотя со словообразовательной точки зрения они безусловно близки как этим, так и отглагольным образованиям. В силу одушевленности называемого лица, словообразовательное значение изменяется — здесь это не «предназначенное для появления признака», а «тот, кто проявляет признак, названный основой». Ср.:

<i>nesveikiùkas, -ė</i>	‘нездоровый новорожденный’ < <i>nesveikas</i> ‘нездоровый’, ласк.	(72)
<i>ankstùkas, -ė</i>	‘недоношенный младенец’ < <i>ankstus</i> ‘ранний’, ласк.	(73)

Так, в данной суффиксальной подгруппе мы снова сталкиваемся с уменьшительно-ласкательностью, сопряженной с особенностью референта: формант *-(i)ukas, -ė* используется особенно часто, когда говорится о детях.

В дополнение к вышесказанному заметим, что примерно пятая часть новообразований связана с передачей экспрессивности. Среди встретившихся стилистических помет: ласк., умен., шут., уничиж., ирон. Значительная часть неологизмов данной группы называет:

- кого-то маленького, слабого по сравнению со взрослым (ребенка, животное), либо вещь, предназначенную для кого-то маленького;
- предметы человеческого обихода, в основном это предметы одежды, аксессуары, пища, техника.

Неологизмы с суффиксом *-(i)ukas, -é* нередко имеют варианты. Во-первых, по мягкости основы и грамматическому роду (см. табл. 4). Во-вторых, сосуществуют и конкурируют варианты, образованные от разных основ или с разными формантами (см. табл. 4 и табл. 5).

Иногда суффиксальные неологизмы создаются для замены заимствований, обычно из английского языка (типа *glaustinukè* (42) вместо *bodžiukas, bodis* < *body*): это не менее девятнадцати слов, соответствующих широко известным англицизмам, типа фрисби, буклет, снэк, селфи, нетбук, косплей, плеер и др.), некоторые из них кальки, ср. (46)–(48).

3.3. Неологизмы с формантом *-elis, -él/-èlis, -è:* 30 слов

Отглагольные существительные

Суффикс *-elis, -é* и его вариант *-èlis, -è*⁵⁰ являются крайне продуктивными для образования ум.-ласк. форм [DLKG: 88]. Думается, что именно это является словообразовательным «тормозом»: группу составили только лишь 20 новообразований (не считая 10 семантических). Хотя отдельные неологизмы являются окказиональными и нераспространенными, основываясь на производящей основе и лексической семантике, мы выделили одну примечательную группу слов. Ее составили 7 отглагольных дериватов на *-elis, -é* (всего их 9), которые называют человека, в крайней степени проявляющего качество, названное производящим глаголом, например:

<i>pritāpēlis, -é</i>	‘тот, кто приобщился; конформист, приспособленец’ < <i>pritapo</i> (инф. <i>pritapti</i> ‘пристать, приобщиться, присоединиться’)	(74)
-----------------------	---	------

⁵⁰ Узкий *-é-* возникает в многосложных образованиях. Как увидим далее, приставочные отглагольные образования на *-elis, -él/-èlis, -é* всегда многосложны.

atsilùpēlis, -ė

‘тот, кто отстал; закостенелый, (75)
отсталый человек’ < *atsilupo* (инф.
atsilupti ‘отлупиться, отстать’), ср.
atsilikēlis, -ė ‘тот, кто отстал’

Заметим, что такие *nomina agentis* на *-ėlis, -ė* как среди неологизмов, так и среди словарных слов⁵¹ всегда образованы от глагольной основы прошедшего времени, причем:

1. для данной модели актуально только одно словообразовательное значение, характеризующее неологизмы этой подгруппы — «тот, кто наделен динамическим признаком, названным основой, в крайнем его проявлении»;
2. среди слов, относящихся к данной модели, нет ни одного бесприставочного деривата. Мы не беремся обсуждать здесь вопрос глагольного вида в литовском языке, но весьма интересно сочетание суффикса, обозначающего качество (некое постоянное свойство) и приставочного глагола однократного действия, который переводится на русский язык глаголом совершенного вида.

Из этого следует, что можно ограничить модель производных слов указанной подгруппы до: основа приставочного глагола прош. вр. + *-ėlis, -ė*.

Некоторые узусные слова, построенные по такой модели, имеют словарные соответствия в виде действительных причастий прош. вр., поддавшихся адъективации, напр. *išlepēlis, -ė* ‘баловень, неженка’ – *išlepeš, -usi* ‘избалованный, изнеженный’, *patrakēlis, -ė* ‘чокнутый (сущ.)’ – *patrakeš, -usi* ‘чокнутый (прил.)’, ср. также *išvėpēlis, -ė* ‘разиня, ротозей’, *prasimanēlis, -ė* ‘выдумщик’. С точки зрения словообразования, причастие — результат транспозиции, т. к. глагол лишается категории наклонения и лица и наделяется адъективной парадигмой (это сопровождается присоединением к основе суффикса *-us-*). В вышеописанном случае суффиксального словообразования также происходит переход глагола в другой

⁵¹ Имеются в виду слова, включенные в обратный словарь Д. Робинсона [LRD: 163–164].

грамматический класс (имя существительное) с той разницей, что словообразовательный переход менее регулярен. Возможно, существуют лексические или морфемные ограничения. К примеру, нет слов **pavėlavėlis, -ė* < *pavėlavo* (инф. *pavėluoti* ‘опоздать’) в значении «тот, кто постоянно опаздывает; опоздальщик (разг.)» или **išraudėlis, -ė* < *išraudo* (инф. *išrausti* ‘покраснеть’) в значении «тот, кто много краснеет, постоянно смущается», хотя формально они не отличаются от пар производящее–производное, описанных для данной суффиксальной группы.

Отыменные существительные

Тогда как отглагольные новообразования с формантом *-elis, -ė* по преимуществу авторские, единичные неологизмы, отыменные дериваты подгруппы достаточно распространены в современном языке. Это наименования предметов человеческого обихода (предметы одежды, аксессуары, продукты питания), как и многие неологизмы с *-(i)ukas, -ė*. Напр.:

<i>sargėlis</i>	‘кивок, сторожок (приспособление для зимней рыбалки, сигнализирующее о клеве)’ < <i>sargas</i> ‘сторож’	(76)
<i>batonėlis</i>	‘батончик’ < <i>batonas</i> ‘батон’, возможно, калька с рус. <i>батончик</i>	(77)
<i>programėlė</i>	‘приложение (досл. «программка»)’ < <i>programa</i> ‘программа’, ср. литовские варианты: неол. <i>aplikacija</i> , неол. <i>apsas</i> и англ. термин <i>application</i>	(78)

В примерах (76)–(78) прослеживается значение уменьшительности. Как уже говорилось, суффикс *-elis, -ė* является самым продуктивным для уменьшительно-ласкательных образований, поэтому отыменные дериваты обычно сохраняют это значение. Видимо, это и ограничивает возможности форманта для производства новых слов, передачи новых понятий.

По данным LKND, некоторые неологизмы группы (в том числе образованным семантическим способом) можно приписать следующие стилистические пометы: уничиж., ирон., шут.

Резюмируя вышесказанное, выделим основные словообразовательные особенности неологизмов на *-elis*, *-è*:

1. Отглагольные дериваты группы называют носителей названного корнем динамического признака в крайнем его проявлении, см. примеры (74), (75).
2. Отыменные дериваты группы сохраняют основное значение форманта и являются уменьшительными наименованиями различных предметов человеческого обихода, см. примеры (76)–(78).
3. У неологизмов данной группы отсутствуют варианты среди других новообразований. Исключение — пример (78) с синонимичными адаптированными заимствованиями⁵².

3.4. Неологизмы с формантом *-(i)utis*, *-è*: 16 слов

Более точным названием раздела было бы «Новообразования с *-utè*, *-is*», т. к. 11 из 16 новых слов женского рода, однако мы ориентируемся на те обозначения суффиксов, которые даны в грамматике [DLKG: 87–93]. Отыменные подгруппы соразмерны: от основы существительного — 7, от основы прилагательного — 5 слов. Отглагольная очень мала, состоит лишь из четырех новообразований.

Первая характеризует предметы и явления, не связанные между собой. В ходе изучения примеров употребления мы установили, что для слов этой модели характерно значение уменьшительности и ласкательности одновременно (что и отмечается в [DLKG: 91]) несмотря на то, что в LKND пометы экспрессивности приписаны лишь незначительному количеству слов. См. следующие примеры:

padèkùtè

‘взятка’ < *padèka* ‘благодарность’ (по (79) нашему мнению, следует трактовать как ум.-ласк.)

⁵² О вариантах *seselis*–*sesutis* в значении «медбрат» см. гл. 2, раздел 2.4.

laivùtès ‘туфли-лодочки’ < *laivè* ‘лодка’⁵³, ср. (80)
 рус. *лодочки*, фр. *escarpins* (также ср.
 семантический неол. *laiveliai*)

Вторая выделенная нами подгруппа — неологизмы, образованные от прилагательных. Заметим, что все адъективные основы здесь — основы на *и*:

putlùtè ‘девушка/женщина в теле; пышечка’ (81)
 < *putlus* ‘пухлый; спесивый;
 объемный’

tuštùtè ‘глупая, но миловидная (82)
 девушка/женщина; пустышка’
 < *tuštus* ‘пустой, порожний’, уничтож.

Это оценочные понятия, дающие характеристику лицам женского пола по качеству, указанному корнем. Ср. с особой группой флективных дериватов, называющих лица женского пола (гл. 2, раздел 2.3).

Отглагольные новообразования группы — это несколько исключений. Интересен один пример, возникший вследствие переосмысления основы: заимствованное *českès* ‘чешки’ стало неологизмом *čežutès* от *čeža* ‘шуршит, шелестит’ (инф. *čežèti*) из-за шаркания при ходьбе в такой обуви.

Так, формантом *-(i)utis*, *-è* является малопродуктивным для рождения неологизмов, а представленные в группе словообразовательные значения являются, в основном, уменьшительными (уничижительными) или ласкательными. Из особенностей образования можно выделить такие:

1. Большинство новообразований в группе отыменные, женского рода.
2. Суффиксы *-(i)utis*, *-è* и *-(i)ukas*, *-è* как бы «дополняют друг друга» [DLKG: 91], т. к. обычно называют:

- предмет, являющийся миниатюрным вариантом денотата, переданного корнем или предназначенный для того, что указано корнем, ср. (60), (61) и (79), (80), а также *pakabukas* (49) и *pakabutis* (в том же значении), *asmenukè/asmeninukè* (47) и *asmenutè* (LKND);
- человека, определенного качеством, названным корнем, ср. *nomina agentis* (54)–(56) и (81)–(82).

⁵³ На момент написания работы в базе LKND отсутствовала статья к неологизму *laivutès*, описание мое — Д.А.

3. Большинство слов в группе литовского происхождения.

Выводы к главе 3

Среди неологизмов с уменьшительно-ласкательными суффиксами, образованных морфологическим путем, наиболее продуктивным является *-(i)ukas, -ė* (73%), менее — *-ėlis, -ė* (13%), *-utas, -ė* (10%) и остальные (4%)⁵⁴.

Словообразовательные особенности модели:

1. Преобладают отыменные производящие основы.
2. Суффикс *-ėlis, -ė*, который чаще используется для передачи экспрессивности, уступает менее используемому для этого суффиксу *-(i)ukas, -ė* в образовании новых слов.
3. Большинство слов в группе литовского происхождения, хотя примерно пятая часть — кальки и новообразования, заменяющие адаптированные заимствования с иностранными корнями.

Разумеется, неологизмы с ум.-ласк. суффиксами нередко окрашены эмоционально. Встретившиеся стилистические пометы: ласк., умен., шут., уничиж., ирон.

Лексические значения конкретны, это по преимуществу такие предметы как:

- устройства, производящие действие, названное производящей основой, или предназначенные для этого действия, см. примеры (49)–(53);
 - предметы человеческого обихода, такие как одежда, украшения, аксессуары, продукты питания, см. примеры (38)–(47);
- или наименования кого-то о душевленного:
- ум.-ласк. наименования детей и животных, см. примеры (54), (55), (58), (63), (68), (71) в 5 знач., (72), (73);

⁵⁴ Статистика без учета семантических новообразований.

- носитель названного корнем качества в крайнем проявлении, см. примеры (74), (75);

Связь между словообразовательным формантом и сферой употребления обычно отсутствует. Однако мы заметили, что неологизмы с уменьшительно-ласкательными суффиксами появляются преимущественно в художественной, разговорной и публицистической речи (как отмечается в предисловии [СЭР], последняя все больше тяготеет к разговорному стилю, см. раздел 1.1). Редко, но все же встречалась лексика из сферы технологий и интернет-коммуникаций, напр.: (45), (78), ср. достаточно распространенное *patiktukas* ‘лайк’. Среди дериватов с формантами *-(i)ukas, -è, -èlis, -è, -utas, -è* не обнаружилось научных терминов и слов официально-делового стиля, что объясняется спецификой этих формантов.

Глава 4. Словообразование

4.1. Общие сведения

Словообразование (или композиция) — одно из самых естественных явлений в ходе развития языка: два понятия складываются в нечто единое, более содержательное и более простое для произношения и словоизменения. В современном литовском таких единиц очень много. По нашим подсчетам, на начало 2018 года в состав LKND входило более 600 неологизмов. Это отмечает и сама создательница базы Р. Милюнайте: «Наиболее популярная форма создания неологизмов — сложные слова (*dūriniai*)» [Miliūnaitė 2012: 9]⁵⁵.

Думается, что популярность композитов обусловлена не только их относительной компактностью, но также большим словообразовательным и семантическим потенциалом. Под семантическим потенциалом мы понимаем то разнообразие значений, которые встречаются у, казалось бы, формально идентичных композитов. К примеру, в рус.: *ледоход* означает движение льда, но *снегоход* — это отнюдь не движение снега, как и *живодер* и *горлодер* (в знач. ‘крикун’) с точки зрения лексики не имеют ничего общего. Так, по структуре и значениям отдельно взятых элементов, составляющих сложное слово, не всегда легко установить лексическое значение. Возьмем, к примеру, такие широко распространившиеся и успешно сосуществующие композиты-неологизмы как (83) и (84):

<i>kavāvirė</i>	‘кофеварка’ < <i>kava</i> ‘кофе’ + <i>virti</i> ‘варить’	(83)
<i>kavavirỹs, kavavirė</i>	‘бариста (досл. «кофевар»)’ < <i>kava</i> ‘кофе’ + <i>virti</i> ‘варить’	(84)

⁵⁵ Примечательно, что в 60-е годы, по свидетельству Н. З. Котеловой, сложные слова составляли 40% всех русских неологизмов (подробнее см. [Котелова 1971/2015: 193].

Как видно из примеров, кофеварка от «кофеварки» (баристы женского пола) отличается только местом ударения, притом производящие основы одинаковы. Так, под большим семантическим потенциалом мы подразумеваем многозначность. Ср. также *savimyla* ‘1. себялюбие; 2. себялюбец, эгоист’, *kélrodis* ‘1. путеводитель; 2. дорожный указатель; 3. путеводный (прил.)’. Со словообразовательной точки зрения привычное слово *кофеварка* оказывается не таким однозначным из-за смешения модели сложения и суффиксации (формант *-к-*). Если притвориться, что такая вещь, как кофеварка нам незнакома, можно предположить, например, что это: а) устройство для приготовления кофе (по модели «объект + глагольная основа + *-ка*», ср. *соковарка*, *соковыжималка*, *посудомойка*); б) процесс кофеварения (от *варка*, ср. *нервотрепка* от *трепка*, *самозакалка* от *закалка*); в) женщина, которая варит кофе (ср. устар. *поломойка*, *самохвалка* от *самохвал*, *медоварка* от *медовар*); г) место, где происходит кофеварение (ср. *углемойка*, *медоварка* во 2 знач. ‘медоварня’). В данном случае реализованным значением является «устройство для приготовления кофе» — наиболее распространенное в русском языке для обозначения *nomen instrumenti*, относящихся к вышеупомянутой модели «объект + глагольная основа + *-ка*».

Большой словообразовательный потенциал заключается в том, что элементами сложного слова могут быть все знаменательные части речи, хотя есть некоторые ограничения на их следование (см. табл. 7).

Природе сложных слов посвящено множество работ. История вопроса, включающая основные подходы описания композитов лингвистами — от древнеиндийских грамматистов до современных исследователей — освещены в книге Н. Д. Арутюновой «Проблемы морфологии и словообразования» [Арутюнова 2007: 124–139]. В фундаментальном труде П. Скарджюса «*Lietuvių kalbos žodžių daryba*» литовским композитам посвящена глава «*Vardažodinė sudėtinių žodžių daryba*» [Skardžius 1943/1996: 393–456], где автор подробно разбирает историю происхождения образований такого типа, иллюстрируя большим количеством примеров не только из литовского (в том

числе устаревшие слова из письменных памятников, которые не найдем даже в LKŽ), но и из нескольких других индоевропейских языков (санскрита., др.-греч., немецкого, славянских). А. В. Десницкая также рассматривает композиты в индоевропейской перспективе — статья «Архаичные черты в индоевропейском словосложении» [Десницкая 1948: 133–152]. Литовский языковед В. Урбутис рассматривает композиты с теоретической точки зрения, как элементы словообразовательной системы современного языка [Urbutis 2009: 275–283, 333]. Описания сложных слов в литовском языке встретим также у А. Паулаускене [Paulauskienė 1983: 140–147] и С. Кейниса [Keinys 1999: 69–74]. Из работ русскоязычных авторов важными для нас оказались части, посвященные словосложению, в пособиях «Современный русский язык» Е. А. Земской [Земская 1996/2011: 183–186], «Морфемика и словообразование современного русского языка» [Зубова 2014: 128–131] и [Г-89: 312–318].

Вероятно, что сама структура композита — древнее наследие праиндоевропейского языка, пришедшее из дописьменной эпохи. Обратим внимание на функциональную сторону композитов: в старых памятниках словосложение возникало на правах художественного приема, его широко использовали для разработки терминологии в науке и ремеслах. «Народный язык, — пишут Мейе и Вандриес, — совсем не употребляет словосложения. Литературные тексты в общем обнаруживают тем больше сложных слов, чем больше они сами удаляются от живой нормы (*de l'usage courant*). Сложное слово имеет в себе чаще всего нечто искусственное; оно подходит для специальных и технических языков философии, науки, администрации, религии, которым оно придает одновременно точность и важность. Особенно его использует поэтический язык. Поэты, которые ставят себе в заслугу благородство языка и стремятся к возвышенному тону, достигают цели,

изыскивая и употребляя сложные слова. Их много у Гомера, еще больше у Эсхила...»⁵⁶.

Считается, что структура сложного слова в современном понимании возникла еще в доисторическую эпоху развития индоевропейских языков, когда «категории имени и глагола не были еще дифференцированы» [Десницкая 1948: 140] и впередистоящая основа не была оформлена грамматически (напр., скр. *agre-gaḥ* ‘идуший во главе’, греч. *δορυ-φόρος* ‘несущий копье, копьеносец’, ст.-слав. *благодать*). В литовской (а также и в русской) лингвистической традиции конечный гласный такой основы принято называть соединительным. Однако В. Урбутис указывает на необоснованность такой интерпретации: если «соединительный гласный» рассматривать как самостоятельный словообразовательный формант (и морфему), почему он не является обязательным для сложения? Очевидно, что этот элемент не несет семантики и, вообще, факультативен [Urbutis 2009: 282]. Ср. *broliavaikis* и *brolvaikis* ‘племянник’, *juodbėris, -ė* ‘темно-гнедая лошадь, бурка’. Урбутис предлагает считать конечный гласный начальной основы композита результатом альтернации в корне, представляющем эту основу. С этим солидарна литовская исследовательница Г. Акялайтене: в ее сборнике упражнений по литовскому словообразованию сложные слова (далее СС) представлены следующим образом:

<i>Таблица 6⁵⁷</i>		
сложное слово	<i>saulė-lyd-is</i> ‘закат, заход солнца’	
одно из составляющих понятий	<i>saulė</i> ‘солнце’	<i>lėido(si)</i> (инф. <i>lėistis</i> ‘заходить, садиться’)
члены сегментного чередования	{ <i>saul-</i> }/{ <i>saulė̃-</i> }	{ <i>leid-</i> }/{ <i>lĩd-</i> }

При анализе неологизмов мы придерживались именно такой интерпретации, поэтому в дальнейших примерах при разборе будет

⁵⁶ Meillet et Vendryes. *Traité de Grammaire comparée des langues classiques*. Paris, 1924, стр. 393 (цитируется по [Десницкая 1948: 136]).

⁵⁷ В виде таблицы представлено нами, подробнее см. [Akelaitynė 2002: 56–57].

приводится только производящая база (начальная форма каждой основы, составляющей композит).

Обобщив известные нам описания сложных слов в литовском языке, мы выделили их наиболее значимые формальные и семантические особенности:

1. Сложное слово состоит из двух и более частей и потому всегда производно. В литовском языке СС подразумевает такое сложение элементов, что:

- они всегда объединены одним ударением;
- один или все элементы подвергаются формальной и синтаксической изоляции;
- главенствует следующий порядок сложения частей зависимый элемент (ЗЭ) + главный элемент (ГЭ); кроме тех случаев, когда невозможно установить ЗЭ, или когда существует ненормативный вариант, типа устар. *galadienis/dienogalis* ‘конец дня’).

2. По синтаксической связи между компонентами СС можно выделить:

- сочинительные (копулятивные), напр. *juodbėris, -ė* ‘темно-гнедая лошадь, бурка’, *vienkiemis* ‘хутор’;
- подчинительные — далее можно классифицировать по типам подчинительной связи, напр. *greitkelis* ‘скоростная дорога’ < *greitasis kelias* ‘быстрая дорога’ (согласование), *geranoris, -ė* ‘доброжелатель’ < *gero norėti* ‘досл. «добра желать»’ (управление), *pusiaudienis* ‘полдень’ < *pusiau dienos* ‘досл. «на две части день»’ (примыкание).

Здесь стоит сказать о двух известных нам вариантах дальнейшего разделения подчинительной связи: 1) традиционный (и на сегодняшний день общепринятый) — согласование, подчинение, примыкание (такой концепции также придерживается и Скарджюс в описании литовских композитов [Skardžius 1943/1996: 410]); 2) новый, описанный А. Хольфутом на

материале литовского языка [Holvoet 2003], при котором подчинение делится на два вида — управление и модификацию. Применяя вторую концепцию к синтаксическим отношениям внутри композитов, управление можно определить как связь присоединяющей (ГЭ) и управляемой части (ЗЭ), как в *geranoris, -ė* (когда ГЭ обязательно требует ЗЭ, *norėti* ‘хотеть, желать’ переходный гл.). Модификацию — как связь присоединяемого слова (ЗЭ) с определяемым (ГЭ), семантика которого подвергается модификации за счет ЗЭ, напр., в *greitkelis* (без части *greit- kelias* — какая-то неопределенная дорога), *pusiaudienis* (без части *pusiau-* остается *diena* — какой-то неопределенный день). Несмотря на вид связи, типичный порядок компонентов при подчинении остается ЗЭ–ГЭ.

3. По порядку следования элементов в соответствии с их лексико-грамматической принадлежностью (см. табл. 7⁵⁸):

⁵⁸ В таблице приведена классификация возможных вариантов следования элементов СС в зависимости от их частеречной семантики (грамматически — как имя существительное — оформлена лишь конечная основа; с синхронной точки зрения первый элемент СС всегда синтаксически изолирован). Данная классификация была создана автором (Д. А.) в рамках курсовой работы в 2017 г. Здесь она представлена в несколько усовершенствованном виде.

если элементы композита связаны с о ч и н и т е л ь н о й с в я з ь ю	
сущ. + сущ.	<ul style="list-style-type: none"> ▪ <i>plaiščkepeniai</i> ‘субпродукты, досл. «легкие (и) печень»’ ▪ <i>rakètlazdè</i> ‘ракетка-клюшка для лакросса’ (неол.)
числ. + сущ.	<ul style="list-style-type: none"> ▪ <i>dviratis</i> ‘велосипед, досл. «два колеса»’ ▪ <i>vienatūris</i> ‘минивэн, досл. «однообъемный кузов»’ (неол.)
если элементы композита связаны п о д ч и н и т е л ь н о й с в я з ь ю	
сущ. + сущ.	<ul style="list-style-type: none"> ▪ <i>lėdkalnis</i> ‘айсберг’ ▪ <i>bėgtakis</i> ‘беговая дорожка’ (неол.)
прил. + сущ.	<ul style="list-style-type: none"> ▪ <i>greitkelis</i> ‘скоростная дорога’ ▪ <i>greitmaistis</i> ‘быстрое питание, фастфуд’ (неол.)
мест. + сущ.	<ul style="list-style-type: none"> ▪ <i>kitataūtis</i> ‘иностранец’ ▪ <i>savipagálba</i>⁵⁹ ‘оказание психологической помощи самому себе’ (неол.)
прич. + сущ.	<ul style="list-style-type: none"> ▪ <i>nepraustabūnis, -ė</i> ‘грубиян’ ▪ <i>išplautsmegėnis, -ė</i> ‘человек, с промытыми мозгами, не способный размышлять’ (неол.)
гл. + сущ.	<ul style="list-style-type: none"> ▪ <i>skėšvėjis</i> ‘сквозняк’ ▪ <i>grėžskylė</i> ‘скважина, карьер’ (неол.)
нар. + сущ.	<ul style="list-style-type: none"> ▪ <i>paskuīgalis</i> ‘задняя часть’ ▪ <i>pusiaušėimis, -ė</i> ‘тот, у кого неполная семья’ (неол.)
сущ. + гл.	<ul style="list-style-type: none"> ▪ <i>geradāris</i> ‘благодетель’ ▪ <i>gārtraukis</i> ‘вытяжка’ (неол.)
мест. + гл.	<ul style="list-style-type: none"> ▪ <i>savimyla</i> ‘себялюбие, эгоизм’ ▪ <i>visavalgis, -ė</i> ‘всеядный человек’ (неол.)

4. В качестве составных частей сложного слова обычно выступают неразложимые далее основы (корни слов). Композиты, осложненные аффиксами редки (напр. *kelionpinigiai* ‘деньги на проезд’, *pasaulėžiūra* ‘мировоззрение’, *išverstakis* ‘пучеглазый человек’, *išverstagerklis* ‘крикун, горлан’).

⁵⁹ В данном случае ГЭ *-pagalba* является отглагольным флективным образованием (подробнее см. гл. 2), оно существует и как самостоятельное существительное, напр. *greitoji pagalba* ‘скорая помощь’. По нашей классификации, *-pagalba*, объединенная с местоименной основой **sav-* (скорее всего, от *sau* ‘себе’ — формы дат. п. ед. ч. возвратного мест. *savo* ‘свой’), попадает в ячейку «мест.+сущ.». Однако *savimyla* ‘себялюбие; себялюбец’, где ГЭ *-myla* не употребляется отдельно как существительное в том же значении (отсутствует в современных словарях, хотя представлен в LKŽ как диал. р. Кúпишкис). Оно относится к «мест.+гл.» вместе с *kitatikis, -ė* ‘иноверец’ и неол. *visavalgis, -ė* ‘всеядный человек’, хотя слово *valgis* существует, оно не обозначает «того, кто ест» (*nomen agentis*): возможные значения ‘кушанье (*nomen objecti*); прием пищи (*nomen actionis*)’. Ср. *savimeilė* ‘самолюбие’ (*meilė* ‘любовь’), *saviauka* ‘самопожертвование’ (*auka* ‘жертва’).

5. Конечный элемент может быть модифицированным за счет окончания, но может и оставаться без изменений, напр. *naktigultas* ‘ночлег’ < *gultas* ‘лежак; койка’, *rugiagėlė* ‘василек’ < *gėlė* ‘цветок’, *savimeilė* ‘самолюбие’ < *meilė* ‘любовь’. Скарджюс отмечает тенденцию к неизменяемости второго элемента в основном в тех случаях, когда СС выражает абстрактное значение [Skardžius 1943/1996: 436].
6. Наблюдается тенденция к сохранению рода ГЭ, ср. *darbymetis* ‘рабочая пора; страда’ (м. р.) и *metas* ‘пора; год’ (м. р.), *kalnas* ‘гора’ (м. р.) и *ledkalnis* ‘айсберг’ (м. р.).⁶⁰

Вслед за некоторыми исследователями, можно было бы выделить и такие группы, как: 1) эндоцентрические и экзоцентрические композиты (по предметной соотнесенности)⁶¹; 2) основные и падежные композиты (по форме). Интересно отметить, что основные (*kamieniniai*) композиты являются пережитками доисторической эпохи индоевропейских языков: они существовали, когда еще не зародились словоизменительные парадигмы [Skardžius 1943/1996: 405]. Предполагается, что тематический гласный на конце впередистоящего компонента стал основой для развития специфических именных показателей и именного склонения [Десницкая 1948: 140]. Под падежными (*linksniniai*) композитами Скарджюс

⁶⁰ По-видимому, грамматическая тенденция (к сохранению рода ГЭ) является более значимой, чем семантическая (выражение абстрактного/конкретного значения), ср. *rugiagėlė* ‘василек’ (ж. р.) < *gėlė* ‘цветок’ (ж. р.).

⁶¹ Русские термины «эндоцентрические» и «экзоцентрические» (в лит. соотв. «*esocentriniai*» и «*eksocentriniai*» [Skardžius 1943/1996: 413]) впервые были предложены А. И. Александровым в работе о композитах в литовском языке в 1888 г. [Арутюнова 2007: 131]. По Скарджюсу (который, кстати, ссылается на работу Александра) эндоцентрические СС при искусственном разделении на словосочетание «не претерпевают существенных потерь», напр. *augštakalnis* < *augštas kalnas* ‘досл. «выросшая гора»’ (устар.; *augštas* посредством адъективации дало современное *aukštas* ‘высокий’). Тогда как с экзоцентрическими такая модификация невозможна: слова этого типа всегда состоят в отношениях зависимости не только друг от друга, но и от «внешнего» слова, которое определяют (т. е., обозначают признак предмета), напр.: *kreivasprandis* ‘тот, у кого кривая шея’ от *kreivas sprandas* ‘кривая шея’ [Skardžius 1943/1996: 413], но заменить возможно только на **turis kreivą sprandą* ‘имеющий кривую шею’ или **kas su krievu sprandu* ‘кто с кривой шеей’. Такие СС также называют «посессивными» или «бахуврихи».

подразумевает такие слова, которые, развились уже из словосочетаний: за счет постепенного «слияния» зависимого и главного элементов. Исторически «соединительные» гласные между основами более «юных» композитов (т. е. вставленные между основами большинства известных узусных СС современного литовского языка) часто возникали по аналогии с гласными в основн^{ых} и падежн^{ых} СС. Сегодня бывший тематический гласный, лишенный какого бы то ни было значения, в словообразовании часто определяют как интерфикс или соединительный гласный. Нам же кажется, что интерпретация такого гласного как конечного элемента впередистоящей основы композита — а именно, гласного как результата морфонологической альтернации — не противоречит ни синхронической точке зрения на сложные слова, ни диахронической (др. аргументы см. выше).

Из вышесказанного следует, что образование сложных слов может быть охарактеризовано с различных сторон, каждая из которых, безусловно, заслуживает внимания. Нас же интересует реализация модели словосложения в современном литовском языке и то, какие изменения происходят внутри нее.

4.2. Контаминация как особый вид сложения⁶²

Если слово есть средство образования понятия, то сложное слово подразумевает образование слож(ен)ного, составного, неоднородного понятия. И эти последние, как показывают словообразовательные системы многих живых индоевропейских языков, достаточно удобны, и их модель, как следствие, остается продуктивной. По мысли Мейе (с. 57), образование композитов наиболее характерно для книжного стиля: они рождаются как термины или художественные — часто поэтические — средства. Сегодня их функция все та же — называть сложное емко и лаконично.

Новые композиты в современном литовском языке часто возникают именно в художественных и публицистических текстах как украшение,

⁶² Вопрос контаминации как продуктивного способа словообразования неологизмов рассматривался автором в рамках курсовой работы прошлого года — *Д. А.*

языковая шутка или даже эвфемизм. Не менее актуальным остается образование сложных по структуре терминов в сфере компьютерных технологий, биологии, философии и др.

Среди неологизмов литовского языка выделяется особая группа сложных слов, которые можно отнести к так называемому гибриднему словообразованию. Обычно этот вид сложения не описывается в традиционных грамматиках в силу неузуальности, но материал нашей работы позволяет нам немного отклониться от традиции.

Суть особого сложения, называемого контаминацией (иногда используют термин «скорнение» или «телескопия») заключается в таком «сращении» двух основ (компонентов производящей базы), что между ними нельзя однозначно провести границу, ср. авторские неологизмы из русской поэзии: *звучей* < *звук* + *ручей* (В. Хлебников), *ноутбудка* < *ноутбук* + *будка* (А. Кабанов), *неизбеженец* < *неизбежно* + *беженец* (С. Лейбград) [Зубова 2014: 175], *Абсурдистан* < *абсурд* + *Узбекистан/Туркменистан*/т. п., *тамиздат* < *там* + *самиздат* (примеры из [Земская 2000: 133]), сюда же отнесем знаменитое гоголевско-набоковское *мартобря*, а также медицинские термины *папазол* < *папаверин* + *дибазол*, *дибаверин* < *дибазол* + *папаверин* [Валгина 2003: 147], пейоративы из области политики: *гейропа*, *майдауны* (примеры из [Литвинникова 2015: 58–59]), *путриоты*, *либерасты*, *прихватизаторы*; а также названия реалий, широко распространившиеся во второй половине XX века, типа *мопед* < *мотоцикл* + *велосипед* (через *мотопед* [Валгина 2003: 147]), *магнитола* < *магнитофон* + *радиола* и т. п.

По замечанию В. Урбутиса, такие сросшиеся «контаминантные слова уже не принадлежат к области словообразования», т. к. они «основываются на неточной, условной (вторичной — Д. А.) аналогии с типичными образованиями», которые, в свою очередь, сами суть аналогия с другими производными единицами данного языка [Urbutis 2009: 328]. По нашему мнению, аналогия, основанная на другой аналогии, не противоречит логике словообразовательной модели, и было бы вполне справедливо рассматривать

контаминацию как особый вид сложения — пусть не совсем законный, но все-таки часто реализуемый, как увидим далее⁶³. Интересна мысль русского лингвиста И. С. Улуханова: он считает возможным «возникновение новых обобщенных единиц словообразовательной системы — типов, способов, аффиксов», осуществляемое «по аналогии с существующими отношениями» [Улуханов 1984: 53]. Это реализация возможностей, заложенных в системе, хотя и следует отграничивать «закономерные новые или окказинальные единицы» от незакономерных [Там же].

В русистике существует несколько интерпретаций слов, образованных по способу контаминации (назовем их контаминатами, ср. *композит* < *композиция*, *дериват* < *деривация*). В. З. Санников выделяет две главные особенности контаминатов: 1) «формально в новообразовании хотя бы одной буквой (точнее, фонемой) представлены оба исходных слова»; 2) «в значении новообразования сложным образом переплетаются значения обоих исходных слов» [Санников 2002: 164]⁶⁴.

Рассмотрим примеры литовских контаминатов в контексте:

<i>vasóvas</i>	< <i>vasãris</i> ‘февраль’ + <i>kóvas</i> ‘март’	(85)
<i>vaslañdis</i>	< <i>vasãris</i> ‘февраль’ + <i>balañdis</i>	
<i>vasgužẽ</i>	‘апрель’	
<i>vasžẽlis</i>	< <i>vasãris</i> ‘февраль’ + <i>gegužẽ</i> ‘май’	
	< <i>vasãris</i> ‘февраль’ + <i>biržẽlis</i> ‘июнь’	
<p><i>Vienoje iš populiarių „demotyvacijų“ – ant sniego tupinti katė ir šį pavasarį puikiai atspindintis tekstas: „sausis, vasaris, vasovas, vaslandis, vasgužẽ, vasžẽlis...“ ‘В одной из популярных «демотиваций» — кошка, сидящая на снегу, и текст, прекрасно отражающий эту весну: «январь, февраль, феврарт, феврель, феврай...»’</i></p>		
<i>šlãpkritis</i>	< <i>šlãpias</i> ‘мокрый, дождливый’	(86)
	+ <i>lãpkritis</i> ‘ноябрь’	
<p><i>Baigėsi lapkritis ir atėjo gūdusis šlapkritis ‘Закончился ноябрь, и наступил жуткий дождябрь’</i></p>		

⁶³ Контаминацию как способ словообразования также рассматривает создательница базы LKND Р. Милюнайте [Miliūnaitė 2013: 5].

⁶⁴ Приняв эту точку зрения, мы не будем отдельно описывать субституцию (замещение фрагментов слова), которую выделяет Л. В. Зубова при классификации поэтических неологизмов [Зубова 2014: 176].

В (85) и (86) контаминация основывается на подмене ударного элемента в главном смысловом компоненте (*vasāris, lāpkritis*), что легко передается в переводе на русский. То же самое происходит в (87)–(89):

žėūras < *žiaurūs*⁶⁵ ‘суровый, жестокий’ (87)
+ *eūras* ‘евро’, насмешл., авторск.

...*siekdami euro, neužsoktume ant „žeuro“*. ‘...стремясь к евро, не наскочили бы [мы] на жестевро [евро-стерво, горе-евро?].’

klaikraštis < *klaikas*⁶⁶ ‘ужас’ + *laikraštis* ‘газета’, (88)
насмешл., авторск.

Antai čia kolega atsiuntė vieną įdomią nuotrauką iš britų kairuoliško klaikraščio The Guardian, kuriame piktinamasi kažkur Rusijos gelmėse rasta naujų namų kvartalo (šiaip jau ganėtina tūpa) reklama neva ji nacistiška. ‘Тут вот коллега отправила одну интересную фотографию из левацкой британской ужазеты The Guardian, в которой негодуют от найденной где-то в российской глубинке рекламы квартала с новостройками — будто она нацистская.’

šlamtāstika 1) < *šlamštas* ‘дрянь, хлам’ (89)
+ *fantāstika* ‘фантастика’, калька
англ. названия спектакля
«TRASHedy»;
2) < *šlamštas* ‘дрянь, хлам’
+ *žurnalistika* ‘журналистика’,
уничиж., авторск.

..., *Šlamštastikai*“ *duris uždarę / Patapsim ŽURNALISTAIS mes!* ‘Пред «дрянелистикой» захлопнув двери, мы станем журналистами!’

Как видим, контаминация — отличный способ передачи оценочности, как и композиция вообще. Наиболее широко употребляемым элементом для выражения негативной оценки предмета можно назвать 3Э *šun-* (основа *šuid* ‘собака, пес’, Gen. sg. *šuns*), ср. слова с уничиж. оттенком: *šūnadvokatis, -ė* ‘адвокат-самозванец’, *šūnbajoris, -ė* ‘обнищавший дворянин’, *šūngrybis* ‘поганка’, *šūnkelis* ‘проселочная дорога; перен. ложный путь’, *šūnmazgis* ‘неправильно завязанный узел’. Также элемент *šun-* ранее широко

⁶⁵ Начальное *žia* в *žiaurūs* произносится как *že* в *žėuro*.

⁶⁶ В базе контаминатив обычно сопровождается пояснением, какие слова входят в его состав. В данном случае мы отступаем от интерпретации составителей, которые в качестве первого элемента указывают прилагательное *klaikūs, -i* ‘ужасный, жуткий’. Думается, что поводом для каламбура здесь является как раз ударный элемент, каковым и является ударный дифтонг *ai* в корне соотв. существительного. Еще один аргумент в пользу *klaikas* — пример с элементом *šlamšta-* (89), где уже не возникает неоднозначности в определении части речи, хотя *šlamštas* ‘дрянь, хлам’ также флективный дериват от глагола *šlėmšti* ‘сорить, засорять’, как *klaikūs, klaikas* < *klaikti* ‘ошалевать’.

использовался в терминах ботаники, которые переводятся на русский словосочетаниями с «дикий» (*дикая яблоня*), «полевой» (*полевая мята*), «собачий» (*собачья ромашка*). В базе LKNŽ из уничиж. с *šun-* найдем лишь два слова: *šūndiplomis* ‘малоценный, незаслуженный диплом’ и *šūnpaminklis* ‘некрасивый памятник’. Ср. с неологизмами на *šlamšta-*:

šlamštāmokslis ‘наука или система обучения, не представляющие ценности’

šlamštāžodis ‘слово-паразит’

šlamštlaiškis ‘спам’

šlamštmaistis ‘джанк-фуд, нездоровая пища’, калька с англ. *junk food*

šlamštāvalgis, -ė ‘тот, кто есть нездоровую пищу’ (< *šlamštmaistis*)

Это обыкновенные композиты-неконтаминаты. Их принципиальное отличие от (85), (86), (88), (89) и других контаминатов в том, что ГЭ собственно композита двусложный: здесь, к примеру, *móksl-as* ‘наука’, *válg-ė* (инф. *válgyti* ‘есть, кушать’), тогда как контаминаты с тем же ЗЭ *šlamšta-* образованы от трехсложного композита *laĩk-raš-tis* и четырехсложного *fan-tā-sti-ka*. Ср. также:

menulėlydis < *mėnūlis* ‘луна’ + *saulėlydis* ‘закат’ (90)
= ‘закход луны’, авторск.

eurósaka < *Európa* ‘Европа’ + *tautósaka* (91)
‘фольклор’ = ‘народные слухи, рассказы о ЕС и его идеологии’

muĩtvanagis < *muĩtas* ‘таможенная пошлина’/*muĩtinė* ‘таможня’ (92)
+ *maĩtvanagis* ‘ястреб-стервятник’
= ‘скомпрометировавший себя коррумпированный таможенник’

Мы говорили о замене ударной части слова, но это лишь сопровождающее явление, приближающее к верной дешифровке заложенного в неологизм понятия. Природа контаминации — в переплетении смыслов. Ср.:

miaujiėna < *miau* (звукоподражание) + *naujiėna* (93)
‘новость’ = ‘новость, как-либо связанная с кошками’

filmanešys, -ė⁶⁷ < *filmas* ‘фильм’ + *knygnešys*, -ė (94)
 ‘книгоноша’⁶⁸ = ‘видеопират’,
 насмешл.

žalstiečiai < *žalieji* ‘зеленые’ + *valstiečiai* (95)
 ‘крестьяне’ = ‘название членов
 партии «Lietuvos valstiečių ir žaliųjų
 sąjunga»’⁶⁹

Так, для понимания контаминатов часто требуется определенный культурный или исторический контекст, или же пояснение самого автора.

Стоит различать контаминаты и заимствования (напр., *šopaholikas* ‘шопоголик’, *džegingsai* ‘джегинсы’, *haktyvistas* ‘хактивист’) а также композиты вообще и аффиксальные новообразования. Элементы типа *auto-*, *bio-*, *neuro-*, *-fobija*, *-logija*, *-sofija* мы относим к префиксоидам и суффиксоидам, т. е. квазиморфемам⁷⁰, самостоятельно сложных слов не образующих.

⁶⁷ Работая с базой LKND, мы столкнулись с такой непоследовательностью: в сопровождающих неологизм примерах употребления часто использовалась только форма мн. ч., но в алфавитный список неологизм был занесен в ед. ч. (что логично). Однако приписка в виде окончания ж. р. -ė иногда пропущена, хотя слова, предположительно, могут употребляться и по отношению к лицам женского пола, напр. *valdžiagrobis* ‘захватчик власти’, *kišenpildis* ‘карманник, который не ворует из карманов, а наоборот, пополняет их’, *kalbišius* ‘плохой лингвист’.

Что касается именно сложных слов, с первого взгляда бывает не ясно, существительное это или прилагательное. Если слово употреблялось в обоих значениях, оно записывается дважды с пометами «dktv.», «būdv.» (для сущ. и прил. соотв), иногда отмечается только прилагательное, которое можно принять за существительное. Но если пометы нет — о части речи можно только догадываться, ср. немаркированные примеры из алфавитного списка LKND: *riestažodis*, -ė ‘способный ораторствовать, красноречивый’ (прил.) и *šiukšliažodis* ‘слово-паразит’ (сущ.), *šlamštąžodis* (сущ. в том же значении); *tūkstantlapis*, -ė ‘состоящий из тысячи страниц’ (прил.) и *šimtalapis* ‘популярный в Литве татарский традиционный десерт из слоеного теста’ (сущ.). В этих случаях форма двусмысленна. Единственным ориентиром здесь может быть лексическое значение, которое не всегда очевидно.

⁶⁸ Литовские книгоноши — это люди, нелегально распространявшие книги на литовском языке (в основном, напечатанные в Малой Литве, или Восточной Пруссии) в период запрета печати латинским шрифтом с 1864 по 1904 год.

⁶⁹ «Lietuvos valstiečių ir žaliųjų sąjunga» в переводе с лит. «Союз крестьян и зелёных Литвы» — левая политическая партия аграриев в Литве.

⁷⁰ Подробнее о квазиморфемах в словообразовании неологизмов в русском языке см. [Захаров 2015: 32–33].

4.3. Наиболее распространенные элементы новых композитов

В предыдущем разделе были представлены примеры, построенные на игре слов. Однако большинство новообразованных композитов не являются результатом контаминации — их значение можно установить (хотя бы приблизительно) из значения каждого элемента СС, не прибегая к контексту.

Как видно из примеров (85)–(89), (92), (94), в композите наряду с «опорным», основным понятием, обычно выраженным ГЭ, нередко соседствует оценочное. Это объясняет экспрессивность таких новообразований (наиболее часто встречающиеся пометы: уничиж., насмешл., ирон). Ранее был представлен ряд неологизмов на *šlamšta-*, негативно характеризующего ГЭ композита. Неологизмы (96)–(100) также созданы для выражения негативной оценки референта, а именно его интеллектуальных способностей:

<i>žiriasmegėnis, -ė</i>	< <i>žirnis</i> ‘горох’ + <i>smegėnys</i> ‘мозг’ = ‘человек с узким мышлением, болван’, уничиж., авторск.	(96)
<i>išplautsmegėnis, -ė</i>	< <i>išplautas</i> промытый + <i>smegėnys</i> ‘мозг’ = ‘тот, у кого промыты мозги’, уничиж., авторск.	(97)
<i>vienaviñgis, -ė</i>	< <i>vienas</i> ‘один’ + <i>vìngis</i> ‘извилина’, уничиж., авторск.	(98)
<i>skustaprõtis</i> ⁷¹	< <i>skùstas</i> ‘бритый’ + <i>prõtas</i> ‘ум’ = ‘короткостриженные скудоумные люди’ (по пояснению самого информанта «у кого очень короткие волосы, и еще более короткое понимание»), авторск.	(99)
<i>valdžiagalvis</i>	< <i>valdžià</i> ‘власть’ + <i>galvà</i> ‘голова’ = ‘бюрократы (досл. «властеголовые»)»	(100)

Здесь главным элементом выступают понятия, связанные с мышлением: ум, голова, мозг, извилина. Как видим, композиты активно пополняют число литовских ругательств — весьма немаловажного слоя лексики.

⁷¹ Слова (99) и (100) зафиксированы во мн. ч., но в базе отмечены только в м. р.

Описание наиболее частых значений СС представляется невозможным: как отмечалось выше, у композитов огромный словообразовательный, а следовательно, и семантический потенциал. Однако получить некоторое представление о лексической семантике данной словообразовательной группы можно из табл. 8: в ней приведены наиболее частотные корни начальных и конечных элементов композитов:

Таблица 8			
элементы	кол-во слов	примеры неологизмов	
1) начальные элементы			
▪ {vien-}/{viena-}/{vieno-} ‘один’	7	<i>vienatūris</i> ‘минивэн’	
▪ {dvi-} ‘два’	6	<i>dvimiestis</i> ‘два города с общей инфраструктурой’	
▪ {dvi-} ‘два’ + <i>-ystė</i>	4	<i>dvisantuokystė</i> ‘бигамия’	
▪ {tri-}/{tris-} ‘три’	3	<i>trisraigtis</i> ‘трикоптер’ <i>triprasmūbė</i> ‘манера говорить витиевато, неоднозначность суждений’	
▪ {tri-} ‘три’ + <i>-ybė</i>	1		
▪ {ketur-} ‘четыре’	4	<i>ketūrratis</i> ‘квадроцикл’	
числительное или количественное местоимение	▪ {penkta-} ‘пятый’	1	<i>penktakolònis, -ė</i> ‘представитель пятой колонны; предатель’
	▪ {šešia-} ‘шесть’	1	<i>šešiāraigtis</i> ‘гексакоптер’
	▪ {aštuon-} ‘восемь’	2	<i>aštuonratis</i> ‘деревянная восьмиколесная повозка (появилась в начале XX в.)’
	▪ {devyn-} ‘девять’ + <i>-ininkas</i>	1	<i>devynaūkštininkas</i> ‘житель девятого этажа’
▪ {šimt-}/{šimta-} ‘сто’	3	<i>šimtalapis</i> ‘популярный в Литве традиционный татарский десерт из слоеного теста’	

▪ { <i>daugia-</i> } ‘много’	3	<i>daugiar̃žis</i> ‘гексакоптер’
▪ { <i>maža-</i> } ‘мало’ + <i>-ystė</i>	1	<i>mažaspalṽystė</i> ‘однообразие (досл. «малоцветность»)’
	всего: 37	
{ <i>savi-</i> } ‘само-; себя’	13	<i>savĩgrauža</i> ‘досл. «самоугрызение»’
{ <i>valdžia-</i> } ‘власть’	11	<i>valdžiãdurnis, -ė</i> ‘властимущий дурак’
{ <i>bendra-</i> } ‘со-; досл. «общий»’	10	<i>bendrabũris, -ė</i> ‘товарищ по походу (досл. «сопоходник»)’
{ <i>did-</i> }/{ <i>didžia-</i> } ‘большой’	9	<i>didkepsnis</i> ‘стейк’
{ <i>tinkl-</i> }/{ <i>tinkla-</i> } ‘сеть’	9	<i>tinklãlaidė</i> ‘подкаст’
{ <i>šlamšt-</i> }/{ <i>šlamšta-</i> } ‘дрянь, хлам’	8	<i>šlamšt̃laiškis</i> ‘спам’
{ <i>galva-</i> }/{ <i>galvo-</i> } ‘голова’	7	<i>galvãjuostė</i> ‘повязка на голову (аксессуар)’
{ <i>kalba-</i> }/{ <i>kalbo-</i> } ‘язык, речь’	7	<i>kalbõkũra</i> ‘словотворчество’
{ <i>knyg-</i> }/{ <i>knyga-</i> }/{ <i>knygo-</i> } ‘книга’	7	<i>knyggraužỹs, -ė</i> ‘книжный червь’
2) конечные элементы		
{ <i>-dienis</i> } ‘день’	29	<i>pigiãdienis</i> ‘день скидок (досл. «дешевый день»)’
{ <i>-žmogis</i> } ‘человек’	18	<i>soviẽtžmogis</i> ‘человек, преданный советской идеологии’, уничиж.
{ <i>-žodis</i> } ‘слово’	16	<i>savižodis</i> ‘слово, часто встречающееся в работах какого-либо автора’
{ <i>-kalbis, -ė</i> } ‘говорить’	15	<i>gimtakãlbis, -ė</i> ‘носитель языка’
{ <i>-dėžė</i> } ‘ящик’	12	<i>balsãdėžė</i> ‘избирательный ящик’
{ <i>-kalbė</i> } ‘язык, речь’	10	<i>švariãkalbė</i> ‘скороговорка’
{ <i>-vietė</i> } ‘место’	10	<i>tinklãvietė</i> ‘сайт, веб-страница’

{-lapis} ‘лист’	9	<i>erdvėlapis</i> ‘карта звездного пространства’
{-lentė} ‘доска’	9	<i>sniėglentė</i> ‘сноуборд’
{-metis} ‘время, пора’	9	<i>krizmetis</i> ‘кризисное время’
{-juostė} ‘лента’	8	<i>garsąjuostė</i> ‘аудиокассета’
{-kūra} ‘творить, создавать’	8	<i>teisėkūra</i> ‘законотворчество’

Из табл. 8 видно, что группа композитов с элементом, конкретизирующим количество (с ЗЭ, выраженным числительным или квантитативным местоимением) значительно преобладают как группа над остальными отдельно взятыми элементами. В качестве начальной части СС 13 раз встречается *savi-* (соотв. рус. *само-*), 10 раз — *bendra-* (рус. *со-*): оба корня отражают направленность понятия «один–вместе». Корень со значением «большой» *did-/didžia-* появляется 9 раз, ср. с *maža-* ‘мало-’ (1 раз). Преобладание композитов с корнями, выражающими большой размер/количество, над композитами со значением маленького размера/количества обусловлена тем, что более популярным и легким способом обозначения «малости» предмета является добавление уменьшительного суффикса (подробнее см. гл. 3). Особо выделяется корень *valdžia-* со значением «власть»: это 11 эмоционально-окрашенных неологизмов, так или иначе связанные с представителями власти, напр.; *valdžiagaĩvis* (100), а также:

<i>valdžiãdurnis, -ė</i>	< <i>valdžiã</i> ‘власть’ + <i>duĩnas, -a</i> ‘дурень’ = ‘властьимущий дурак’, насмешл., авторск.	(101)
<i>valdžiãgyvis</i>	< <i>valdžiã</i> ‘власть’ + <i>gyvėnti</i> ‘жить’ = ‘досл. «живущий во власти»’, уничиж.	(102)
<i>valdžiãsklaida</i>	< <i>valdžiã</i> ‘власть’ + <i>ĩiniãsklaida</i> ‘СМИ’ = ‘СМИ, угождающие властям’ (контаминат), ирон.	(103)

К числу этих образований можно добавить новообразования с корнем *seim-* ‘сейм’ (в количестве шести двухосновных и одного простого неологизма), тематически созвучные примерам (100)–(103).

Особого внимания заслуживает корень *kalb-*, встретившийся в табл. 8 как в составе начальной основы, так и в составе конечной основы композита (всего 32 раза). Стоит отметить частичную омонимию конечных элементов СС *-kalbè* (от *-kalbis*, м. р. < *kalbèti* ‘говорить’) и *-kalbè* (от *kalbà* ‘язык, речь’). В первом случае композит будет обозначать носителя какого-либо языка — зависит от ЗЭ, напр., *araba-kalbè* ‘арабоговорящая (сущ. или прил.)’, *gesta-kalbè* ‘говорящая на жестовом языке (сущ.)’. Образования с элементом *-kalbè*, соотносимые с речью или языком, отличаются только местом ударения, ср. *arabãkalbè* ‘арабская речь’.

Основываясь на семантике опорных (главных по смыслу) элементов сложных слов (табл. 8) можно классифицировать новые сложные слова следующим образом:

1. неологизмы, конкретизирующие количество определяемого предмета с числительным или количественным местоимением в качестве впередистоящей основы;
2. неологизмы, определяющие время (некоторый промежуток времени, день) с *-dienis*, *-metis*, еще примеры: *nekalbãdienis* ‘день, когда в семье не разговаривают’, *algãdienis* ‘день зарплаты’, *tarybmetis* ‘советское время’ и др.⁷².
3. неологизмы, определяющие лица *-žmogis*, *-kalbis*, *-è*, еще примеры: *žuviãžmogis* ‘человек-амфибия’, *anglakalbis*, *-è* ‘англоговорящий (сущ.) и (прил.)’ и др.;

⁷² Исключением является сложное слово *dvidešimtkažkēlintmetis*, *-è* ‘досл. «околодвадцатилетний человек»»; полным словосочетанием было бы **dvidešimt* ‘двадцать’ *kažkelintu* ‘скольких-то’ *metu* ‘лет’ (определение) + определяемое существительное.

4. неологизмы, определяющие место (сосуд или локацию) с *-dėžė*, *-vietė*, еще примеры: *žūklādėžė* ‘рыболовный ящик’, *gimtāvietė* ‘место рождения/зарождения (организации)’, *kaĩtvietė* ‘конфорка’ и др.⁷³;
5. неологизмы, определяющие языковые явления с *-žodis*, *-kalbė*, еще примеры: *brūkšniāžodis* ‘сложное слово, написанное через дефис’, *tinklākalbė* ‘интернет-жаргон (англ. *netspeak*)’;
6. неологизмы, определяющие инструмент (в основном быденные приспособления, используемые в повседневной жизни) с *-lapis*, *-lentė*, *-juostė*, еще примеры: *balsālapis* ‘избирательный бюллетень’, *iřklentė* ‘SUP-борд (от англ. *stand up paddle board*)’, *vaĩkjuostė* ‘слинг-шарф; широкий платок, с помощью которого можно переносить ребенка, привязав его к корпусу’ и др.⁷⁴

Выводы к главе 4

Композиция — одна из наиболее продуктивных словообразовательных моделей, активно участвующая в словотворческих процессах современного литовского языка. Мы выделяем два основных типа композитов:

- собственно композиты;
- контаминаты (см. раздел 4.2).

У них общая функция — образование сложного понятия, заключающего в себе как минимум два первичных. Принципиальное отличие контаминатов от собственно композитов заключается в том, что первые всегда апеллируют к существующим в языке словам (обычно сложным), искажая первоначальный смысл, обыгрывая корень или любую другую ударную морфему через звуковое сходство, см. примеры (85)–(95), (103). В собственно композитах два

⁷³ Кроме *zombādėžė* ‘зомбоящик’.

⁷⁴ Исключение здесь *žalialapis*, *-ė* ‘начинающий водить (сущ. и прил.)’ от *žalias lapas* ‘зеленый лист’, вид неологизма по предметной соотнесенности — поссессивный, или бахуврихи (см. раздел 4.1). Дело в том, что в Литве начинающие водители обязаны наклеить на свое транспортное средство специальный знак — зеленый кленовый лист на белом квадрате (русским соответствием является более прозаичный знак «Начинающий водитель», представляющий из себя черный восклицательный знак на желтом квадрате).

понятия образуют самостоятельное сложное целое, а не «подменяют» известное.

Основываясь на значениях наиболее частотных конечных основ, в большинстве случаев, являющихся опорой, понятийным фундаментом сложного слова, мы установили самые популярные значения новых композитов (см. табл. 8):

- наименования, характеризующие время (некоторый промежуток времени, день);
- наименования лиц;
- наименования мест (сосуд, локация);
- наименования инструментов (чаще непрофессиональных, для повседневности).

Одна из установленных словообразовательных особенностей сложных неологизмов такова: слова с квантитативным значением (когда первым элементом выступает числительное, количественное местоимение или адъективная основа *did-/didžia-*) почти никогда не означают малое количество/размер того, что определяется. Мы полагаем, что это происходит постольку, поскольку главенствующей моделью для выражения значения уменьшительности в словообразовательной системе литовского языка является суффиксация (см. гл. 3).

Особо выделим и такую группу новообразованных композитов, как эфемизмы и ругательства. Интересно, что нередко они направлены на недобросовестных представителей муниципалитета, государственной власти, бюрократов, взяточников и карьеристов: см. примеры (92), (100)–(103). Обычно такие неологизмы стилистически экспрессивны (встретившиеся стилистические пометы: уничиж., насмешл., ирон.). По таким эмоционально-окрашенным неологизмам можно судить не только об актуальных (зафиксированным языковым коллективом) социально-политических процессах, но и об отношении к ним в обществе.

Заключение

Данное исследование направлено на установление того, какие словообразовательные единицы актуализировались в литовском языке за последние три десятилетия. С этой целью был рассмотрен наиболее показательный в словообразовательном плане слой лексики — неологизмы. При анализе новых слов мы неизбежно обращались к внеязыковым (социальным, культурным, историческим) фактам, позволяющим объяснить те или иные словообразовательные тенденции.

Активные языковые процессы обуславливаются как внеязыковыми, так и внутриязыковыми факторами. Внутренние факторы развития языка — это определенные законы, с определенной силой и степенью равномерности влияющие на языковые тенденции. Закон аналогии, который суть «стимулятор подрыва традиционности» [Валгина 2003: 13], является основополагающим для словообразования (ср. определение словообразовательного типа на стр. 10). Производные неологизмы — это слова, образованные главным образом по продуктивным словообразовательным моделям, хотя, как показало исследование, в виде исключения возможны неожиданные сдвиги в рамках словообразовательного типа (например, присоединение форманта к нетипичной производящей базе, переосмысление словообразовательного значения и т. п.). Так, в качестве общей внутриязыковой тенденции в образовании неологизмов литовского языка, следует выделить естественную тягу к реализации потенциальных словообразовательных возможностей языка, то есть аналогии, и постоянное нарушение закона традиции (сдерживающего появление языковых новаций). Например, было отмечено распространение флективных отглагольных дериватов с формантами *-a*, *-is* в значении наименования действия/результата действия, что, в принципе, соответствует правилам словообразования, но нарушает языковую норму, т. к.

традиционно производство таких имен происходит посредством суффикса *-imas/-umas*.

Другая тенденция общего характера, отмеченная нами в ходе изучения продуктивных способов образования неологизмов, заключается в стремительном пополнении класса имен существительных. Думается, что это обусловлено, во-первых, потребностями в назывании все более сложных понятий, составленных из известных простых, во-вторых, усилением аналитических методов освоения новых фактов действительности. В. В. Колесов в одной из своих лекций о многоплановой природе слова отмечал: «Чем глубже в сущность, тем дальше человеческая мысль отдалается от реальности (вещи) в сторону концептуальной сущности». Так, вторичная (осуществляемая посредством способов словообразования) номинация является незаменимым орудием познания и передачи идей. Не случайно самой пополняемой словообразовательной группой стали сложные слова: основной их функцией является манипуляция двумя и более понятиями с целью произвести более компактное и более выразительное единое целое.

Собственно словообразовательные тенденции, выявленные в ходе исследования, таковы:

1. Мы установили, что в рамках флективного способа словообразования преобладают отглагольные производящие основы (в основном приставочные и исконно литовские — основы с новозаимствованными корнями не встретились в роли производящих). Отыменные основы редки (главным образом актуализируются с формантом *-ė*, см. гл. 2, раздел 2.3). В основном это наименования действий и результатов действий, глагольные абстракты, поэтому такие новообразования редко являются стилистически окрашенными несмотря на то, что бóльшую их долю составляют окказионализмы.
2. Все дериваты с уменьшительно-ласкательными суффиксами могут быть образованы от основы существительного, тогда как отадъективная основа является производящей только для образований

на *-(i)ukas*, *-é* и *-(i)utis*, *-é* (как показал материал новообразований, данные суффиксы дополняют друг друга, что порождает пары конкурирующих неологизмов-синонимов). С глагольными основами регулярно сочетается только формант *-(i)ukas*, *-é*; отглагольные образования на *-elis*, *-é/-élis*, *-é* редки, но возможны, хотя исключительно с приставочными глагольными основами (см. гл. 3, раздел 3.3). Словообразовательные и лексические значения внутри данной суффиксальной группы разнятся, но стоит отметить большую группу имен конкретных предметов, а также имена, сохраняющие семантику форманта (уменьшительность/ласкательность или и то и то, ср. группу наименований детей и животных). Примерно пятую часть дериватов с ум.-ласк. суффиксами составили кальки и новообразования с исконными морфемами, заменяющие адаптированные заимствования. Специфика формантов ограничивает область распространения произведенных с их помощью неологизмов: часто стилистически окрашенные (умен., ласк., шутл., уничиж., ирон.), они редко встречаются в словах из сферы технологий и совсем не участвуют в пополнении научной терминологии, как и не используются в сфере официально-делового общения.

3. Словообразование является самой продуктивной моделью для образования неологизмов. Единицы данной группы неоднородны: с точки зрения словообразования выделяется два вида композиции — собственно сложение и контаминация. Компоненты собственно композитов чаще всего являются отыменными основами (см. табл. 8). В качестве конечных элементов сложных слов выступают как именные, так и глагольные элементы. Спектр словообразовательных значений очень широк, особенно выделяются наименования, конкретизирующие количество определяемого предмета, определяющие время, место, а также характеризующие лицо. Контаминаты — это новообразования, основанные на звуковой аналогии и построенные не столько на

сложении, сколько на наложении двух основ (подробнее в гл. 4, раздел 4.2). Сложные слова обоих видов часто создаются для передачи экспрессивности, из чего следует, что довольно многие из них несут стилистическую окраску.

Из вышесказанного можно заключить, что в последнее время в литовском языке актуализировались такие словообразовательные значения, как наименования лиц, наименования конкретных предметов (соответствующим новым реалиям), абстрактные наименования действий и результатов, инструментов и приспособлений, а также значение количества предмета (конкретизация количества, уменьшительность, недостаточность)⁷⁵.

Отношения между глагольными и именными основами выстраиваются в основном за счет флективного словообразования, а также с помощью сложения (формально близкого флективации⁷⁶). Не избегая диахронического подхода⁷⁷, мы установили, что литовские образования с формантом *-(i)ukas, -ė* расширили свою производящую базу с только отыменных и отадъективных *и*-основ до отыменных, отадъективных и отглагольных основ. «Валентность» этого форманта чрезвычайно высока для словопроизводства, что позволяет назвать данный тип (сущ./прил./гл. основа+ *-(i)ukas, -ė*) самым продуктивным из рассмотренных суффиксальных.

Новыми словами пополняются практически все сферы жизнедеятельности человека: от бытовой техники (*gartraukis* 'вытяжка') до ботаники и зоологии (*įvaisa* 'инбридинг; инцухт'), хотя стоит признать, что главной кузницей неологизмов является устная и письменная разговорная речь, включая публичную речь СМИ.

Значительную часть неологизмов, зафиксированных в базе данных LKND составили окказиональные и индивидуально-авторские образования.

⁷⁵ Исследователи словообразовательных процессов русского языка второй половины XX века также отмечают активное производство наименований лиц, абстрактных имен и названий процессов, а также сложных слов [Валгина 2003: 138], [Земская 2000: 103–120].

⁷⁶ Подробнее об этом см. гл. 2, раздел 2.1.

⁷⁷ См. гл. 3, раздел 3.1, подраздел «Отглагольные существительные».

Довольно большая их часть — это эмоционально-окрашенные слова, в том числе эвфемизмы, злободневные пейоративы, иронические и шуточные новообразования, выполняющие не столько собственно номинативную функцию, сколько экспрессивную. Особенно такими словами насыщены новостные и публицистические статьи и заметки, а также художественные произведения, авторство которых обычно известно. Так, проявляется тенденция к преодолению «запретов», стремление выйти за рамки традиции, сказать иначе, тем самым выделиться, привлечь внимание, удивить. Первой задачей многих словотворцев является обнародование своего мнения, отношения, возможно, демонстрация особых компетенций или творческого потенциала. На наш взгляд, такое расшатывание языковой нормы может быть обусловлено сменой поведенческой парадигмы: появление интернета, социальных сетей, микроблогов и т. п., безусловно, оказали раскрепощающее воздействие на языковую личность.

Современный литовский язык полон словообразовательных явлений, которые интересны как с лингвистической, так и с социально-психологической точки зрения. Неологизмы не только раскрывают неочевидные возможности языковой системы, пополняют ряды лексических единиц и выразительных средств литовского языка, но и свидетельствуют о возросшем за последние годы стремлении литовцев творчески относиться к родному языку.

Список источников и литературы

Источники и словари

1. Основной источник: LKND — Lietuvių kalbos naujų žodžių duomenynas. Sudarytoja Rita Miliūnaitė. Vilnius, Lietuvių kalbos institutas. ‘База неологизмов литовского языка. Составитель Р. Милюнайте. Вильнюс, Институт литовского языка’ (эл. ресурс — <http://naujazodziai.lki.lt>).
2. Шанский 1961/1971 — Н. М. Шанский и др. Краткий этимологический словарь русского языка. – изд. 2-е, испр. и доп. – М. 1971.
3. СЭР — Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи / Ред. В. В. Химик. СПб, 2004.
4. ТС — Толковый словарь русского языка / Ред. С. И. Ожегов и Н. Ю. Шведова. М., 1992 (эл. ресурс — <http://www.slovari.ru/default.aspx?s=0&p=244>).
5. DLKŽ — Dabartinis lietuvių kalbos žodynas / Red. St. Keinys. – 7-as patais. ir papild. leid. Vilnius, 2006 (эл. ресурс — <http://lkiis.lki.lt/dabartinis>).
6. LKŽ — Lietuvių kalbos žodynas (t. I–XX, 1941–2002): elektroninis variantas / Red. G. Naktinienė. Vilnius, 2005 (эл. ресурс — <http://lkz.lt/>, atnaujinta versija, 2017).
7. LRRL — Lietuvių-rusų ir rusų-lietuvių kalbų žodynas / Red. A. Lyberis. – 3-iasis patais. ir papild. leid. – Vilnius, 2001.
8. LRD — Lithuanian Reverse Dictionary / Red. R. D. Robinson. 1976.
9. SŽ — Sinonimų žodynas / Red. A. Lyberis. Vilnius, 2002 (эл. ресурс — <http://lkiis.lki.lt/sinonimu>).
10. ТКСТ — Dabartinės lietuvių kalbos tekstynas ‘Корпус современного литовского языка’ (эл. ресурс — <http://tekstynas.vdu.lt/>).

Литература

1. Арутюнова 2007 — Проблемы морфологии и словообразования: (На материале испанского языка). М, 2007.
2. Валгина 2003 — Н. С. Валгина. Активные процессы в современном русском языке. М., 2003.
3. Винокур 1959 — Г. О. Винокур. Заметки по русскому словообразованию // Винокур Г. О. Избранные работы. М., 1959. — с. 419–442 (эл. ресурс — <http://www.philology.ru/linguistics2/vinokur-59.htm>).
4. Г-89 — Современный русский язык / Ред. В. А. Белошапкова. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 1989.
5. Десницкая 1948 — А. В. Десницкая. Архаичные черты в индоевропейском словосложении // Язык и мышление, 1948, XI — стр. 133–152 (эл. ресурс. — <http://crecleco.seriot.ch/textes/Desnickaja-48a.html>).

6. Захаров 2015 — В. П. Захаров. Словообразовательные неологизмы в русском языке (корпусное исследование) // Неология и неография: современное состояние и перспективы (к 50-летию научного направления). Тезисы Международной научной конференции / Отв. ред. Т. Н. Буцева и О. М. Карева. СПб, 2015. — с. 32–33.
7. Земская 1996/2011 — Современный русский язык. Словообразование: учеб. пособие / Е.А. Земская. Москва, 2011.
8. Земская 2000 — Е. А. Земская. Активные процессы современного словопроизводства // Русский язык конца XX столетия (1985–1995) / Отв. ред. Е. А. Земская. – 2-е изд. – М., 2000. — стр. 90–141.
9. Зубова 2014 — Л. В. Зубова. Словообразование // Морфемика и словообразование современного русского языка: Учебник / Л. В. Зубова, Ю. В. Меньшикова. СПб, 2014. — стр. 98–218.
10. Котелова 1971/2015 — Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х годов // Н. З. Котелова. Избранные работы / Российская академия наук; Институт лингвистических исследований. СПб., 2015.
11. Литвинникова 2015 — О. И. Литвинникова. Новая социально-политическая лексика в текстах русскоязычных СМИ Украины // Неология и неография: современное состояние и перспективы (к 50-летию научного направления). Тезисы Международной научной конференции / Отв. ред. Т. Н. Буцева и О. М. Карева. СПб, 2015. — с. 58–59.
12. Николаев 1987/2009 — Николаев Г. А. Русское историческое словообразование: теоретические проблемы. – изд. 2-е, доп. – М., 2009.
13. Санников 2002 — В. З. Санников. Русский язык в зеркале языковой игры. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 2002.
14. Улуханов 1977/2011 — И. С. Улуханов. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания. М., 2011.
15. Улуханов 1984 — И. С. Улуханов. Узуальные и окказиональные единицы словообразовательной системы // ВЯ. 1984. № 1 — с. 44–54.
16. Шмелев 1977/2009 — Д. Н. Шмелев. Современный русский язык: Лексика. – 5-е изд. – М., 2009.
17. Akelaitinė 2002 — G. Akelaitienė. Lietuvių kalbos žodžių darybos pratybos. Vilnius, 2002.
18. Bingelienė 2014 — R. Bingelienė. Kad nepritrūktų žodžių. Vilnius, 2014.
19. DLKG — Dabartinės lietuvių kalbos gramatika / Red. V. Ambrazas. – 4-oji patais. laida. – Vilnius, 2005.
20. Holvoet 2003 — A. Holvoet. Sintaksinių ryšių tipai // Sintaksinių ryšių tyrimai / Red. A. Holvoet, A. Judžentis. Vilnius, 2003. — Lietuvių kalbos gramatikos darbai 1, p. 11–35.
21. Keinys 1999 — St. Keinys. St. Keinys. Bendrinės lietuvių kalbos žodžių daryba. Šiauliai, 1999.

22. Lakoff 1973 — G. Lakoff. Hedges: A Study In Meaning Criteria And The Logic Of Fuzzy Concepts, 1973 (эл. пєсырц <https://escholarship.org/uc/item/0x0010nv>).
23. Miliūnaitė 2012 — R. Miliūnaitė. Kalbos vartotojai ir naujadarų kūryba // Gimtoji kalba. 2012. 9. — p. 3–14.
24. Miliūnaitė 2013 — R. Miliūnaitė. [Naujieji kontaminaciniai dariniai dabartinėje vartosenoje](#). — 20-oji Jono Jablonskio konferencija „Lietuvių kalbos gyvavimas ir atsinaujinimas šiuolaikinėje visuomenėje“. Vilnius: Lietuvių kalbos institutas, 2013, spalio 4 d.
25. Murmulaitytė 2016a — D. Murmulaitytė. Naujažodžių duomenyno leksika pakeliui į bendrinės lietuvių kalbos žodyną // Acta Linguistica Lithuanica 75. Vilnius, 2016. – p. 68–86.
26. Murmulaitytė 2016b — D. Murmulaitytė. Lietuvių kalbos naujažodžių duomenynas ir naujadarų tyrimų perspektyvos // Bendrinė kalba, 89. Vilnius, 2016. – p. 1–27 (эл. пєсырц — http://www.bendrinekalba.lt/Straipsniai/89/Murmulaityte_BK_89_straipsnis.pdf).
27. Paulauskienė 1983 — A. Paulauskienė. Lietuvių kalbos morfologijos apybraiža. Kaunas, 1983.
28. Skardžius 1943/1996 — Pr. Skardžius. Rinktiniai raštai, I t., Lietuvių kalbos žodžių daryba. Vilnius, 1996.
29. Urbutis 2009 — V. Urbutis. Žodžių darybos teorija. – 2-asis. leid. – Vilnius, 2009.
30. Zinkevičius 1980 — Z. Zinkevičius. Lietuvių kalbos istorinė gramatika, I t. Vilnius, 1980, p. 92–95.

Условные сокращения

авторск.	— авторское
англ.	— английское
в знач.	— в значении
гл.	— глава
диал.	— диалектное
досл.	— дословно
др.	— другие
др.-греч.	— древнегреческое
единич.	— единичное
ж. р.	— женский род
заимст.	— заимствованное
зоол.	— из зоологии
инф.	— инфинитив
ирон.	— ироническое
исп.	— испанское
лит.	— литовское
м. р.	— мужской род
напр.	— например
насмешл.	— насмешливое
неол.	— неологизм
перен.	— переносное значение, употребление
прош. вр.	— прошедшее время
разг.	— разговорное
рус.	— русское
скр.	— санскритское
см.	— смотрите (отсылка к указанному примеру/источнику)
совр.	— современное
соотв.	— соответственно
ср.	— сравните
ст.-слав.	— старославянское
т. е.	— то есть
т. к.	— так как
уничиж.	— уничижительное
устар.	— устарелое
франц.	— французское
шут.	— шутливое
япон.	— японское
Acc. pl.	— винительный падеж множественного числа
fem. tantum	— только женского рода
Gen.	— родительный падеж
Gen. sg.	— родительный падеж единственного числа
masc. tantum	— только мужского рода